

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Украшение
китайской
бабушки

Наталья Николаевна Александрова

Украшение китайской бабушки

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Серия «Смешные детективы»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22840340
Украшение китайской бабушки: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095311-0*

Аннотация

Древние китайские легенды рассказывают о прекрасной императрице Сяо Линь, покончившей с собой в день, когда она увидела на своем лице первую морщинку. Эти же легенды утверждают, что императрица обладала удивительным артефактом – Кольцом Змея, которое хранило тайну вечной жизни. Многие века за Кольцом Змея велась охота, но никому так и не удалось его найти. Ну и кому же не захочется навсегда отказаться от старости, морщин, подагры и старческих капризов. Неудивительно, что в современном Петербурге цена за кольцо – чужая жизнь... И, конечно же, и здесь не обошлось без детектива-любителя Надежды Лебедевой, которая, как и любая женщина, хотела бы скинуть себе годик-другой...

Наталья Николаевна Александрова Украшение китайской бабушки

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Александрова Н. Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Молодая женщина в коротком шелковом платье вышла на палубу, захлопнула за собой дверь.

По ту сторону двери остались звон ножей и вилок, оживленные голоса пассажиров, сливающиеся в ровный монотонный шум, яркий свет люстр и плафонов, заливающий зал ресторана.

По эту сторону были ночь, мириады звезд, холодным сиянием осыпавшие черное бархатное небо, и мощное дыхание океана.

Женщина подошла к краю палубы, оперлась на борт и взглянула на ночной океан.

Даже в темноте он поражал своей безграничной мощью. Где-то далеко, на горизонте, мерцал огонек встречного судна, за кормой светились вспененные винтами водоросли – и больше ничего, никаких признаков человеческой жизни.

На шлюпочной палубе тоже не было ни души.

Но вдруг из темноты, из-за подвешенной на таях шлюпки показалась темная фигура. Это был мужчина в темном вечернем костюме, в темноте ярко белела рубашка. Женщина невольно вздрогнула, повернулась к незнакомцу – и узнала его: это его взгляд она то и дело ловила на себе в первые дни круиза.

Довольно привлекательный мужчина, но немного стран-

ный. Худощавый, с виду хлипкий и неприметный, но, если приглядеться, от него исходит ощущение скрытой силы и значительности.

Если она заинтересовала его, отчего он не делает первых шагов? Круиз продлится всего неделю, так что он рискует упустить возможность знакомства.

Ну да, вот он и подкараулил ее на палубе, чтобы наверстать упущенное!

Женщина кокетливо склонила голову к плечу и проговорила мечтательным тоном:

– Какая прекрасная ночь, не правда ли?

Только идиот не отзовется на такой откровенный призыв!
А этот человек не похож на идиота...

Он шагнул к ней, склонился с каким-то странным выражением лица, но вместо ожидаемых слов проговорил:

– Где оно?

– Что?! – Удивленная и испуганная женщина отшатнулась. Ее испугал напряженный, горячечный голос мужчины, его странное лицо, гипсовой маской выступившее из темноты, а еще – запах...

От него пахло, как и должно было пахнуть – хорошим дорогим одеколоном, дорогим односолодовым виски, но сквозь этот привычный мужской запах пробивалась еще одна незнакомая, пугающая нота – резкий, волнующий запах какого-то дикого животного.

– Где оно? – повторил незнакомец.

Женщина попятилась. У нее больше не было того приятного романтического настроения, вызванного звездной ночью и тихим дыханием океана. Ей захотелось вернуться к людям, к шуму голосов, к безопасной круизной скуке.

– Оставьте меня, – проговорила она, отступая к двери. – Я не знаю, о чем вы говорите.

Но он каким-то непостижимым образом оказался между ней и дверью, между ней и безопасностью. Он оттеснил ее в темный угол за шлюпкой и проговорил, неизвестно к кому обращаясь:

– Чжуан-Цзы!

И тут из-за лацкана его темного пиджака показалась остренькая любопытная мордочка. Две яркие бусинки глаз сверкнули в темноте, острые ушки встали торчком.

– Кто это? – спросила женщина.

Любопытство преодолело страх, кроме того, симпатичный зверек казался таким милым и неопасным, он примирял ее со странным поведением своего хозяина.

– Чжуан-Цзы! – повторил мужчина, и зверек, выскользнув у него из-за пазухи, прыгнул на плечо женщины. Она испуганно вздрогнула: маленькие коготки оцарапали кожу, а главное – прежний тревожный запах стал гораздо сильнее.

Зверек оглядел ее, изящно откинув треугольную головку, поводя усиками. Он был очень красив – темная шелковистая шкурка, покрытая белыми пятнами, полосатый пушистый хвост.

Повернувшись к хозяину, он приоткрыл пасть и издал громкий сорочий стрекот:

– Трак-так-так!

– У вас его нет, – разочарованно проговорил мужчина, – Чжуан-Цзы не может ошибиться. У вас его нет, но вы должны знать, где оно. И вы мне это скажете.

– Да о чем вы говорите? – В голосе женщины испуг сменялся раздражением. – И заберите наконец своего зверька! Он, конечно, красивый, но он порвет мое платье.

Мужчина словно не слышал ее слов.

Он начал задавать ей вопросы – странные, бессмысленные, пугающие.

Она отвечала – чтобы этот дикий разговор как можно скорее закончился.

Но когда мужчина получил все ответы, он не оставил ее в покое. Он забрал своего зверька, затем достал из кармана маленький серебристый флакон и брызнул в лицо женщине.

Она ахнула, попыталась закрыть лицо рукой, но тут же потеряла сознание и сползла на палубу.

И тогда мужчина легко поднял ее и перевалил за борт – в черную ночную пучину.

«Что я тут делаю?» – в который раз мысленно спросила себя Надежда, не забывая сохранять на лице выражение приветливого интереса к окружающему.

И опять-таки с грустью констатировала, что не может дать

ответа на такой простой вопрос – что делает она, взрослая солидная женщина, в компании незнакомых людей в этой захлавленной квартире, за столом, уставленным едой, которую невозможно есть. Ну, последнее не столь важно, уже несколько лет Надежда была твердо уверена, что чем меньше съешь за праздничным столом, тем лучше.

От этой мысли Надежда повеселела и улыбнулась сидевшему напротив мужчине как можно лучезарнее. Он ответил ей долгим внимательным взглядом, от чего Надежде стало как-то не по себе.

– Налейте мне водички, – сказала она, тронув за рукав соседа, – вон той, без газа...

Сосед молча выполнил ее просьбу, и Надежда Николаевна тихонько вздохнула. Неужели прав ее муж Сан Саныч, когда утверждает, что Надежда вечно вляпывается во всякие истории благодаря своему удивительному легкомыслию?

«Все не так, – тут же принялась оправдываться женщина, – на этот раз я просто не нашла в себе сил отказаться. Нина так просила прийти, мне было неудобно... Вот теперь и мучаюсь... Нет, все-таки нужно научиться говорить людям „нет“!»

– Положить вам пирожок? – спросил вдруг сосед тихонько.

И, заметив, что Надежда помотала головой, доверительно наклонился к ее уху:

– Не бойтесь, это Ларка пекла, она умеет.

– Тогда два! – Надежда решила рискнуть.

Пирожки и правда оказались выше всяческих похвал – начинки много, и тесто так и тает во рту.

Надежда хотела было восхититься вслух, но сообразила, что это будет невежливо по отношению к хозяйке. Оголодавшие гости накинулись на пирожки, потому что все остальное есть было невозможно. Да уж, Нинка совершенно не умеет готовить...

Надежда оглядела комнату.

Большая, просто даже огромная, и потолки высоченные. Окна красивой формы, занавески, правда, совсем к ним не подходят. Мебель разномастная. Диван, на котором сидят сама Нина и ее муж, совсем новый, только что купленный. Стол – большой, крепкий, на тяжелых ногах, дубовый, наверное, за него можно человек двадцать посадить. А их всего шестеро – Нина, ее муж Георгий, его старый приятель... как же его... Константин, сама Надежда и еще семейная пара, Нина говорила, что они вместе работают. Лариса – полноватая улыбчивая женщина, готовить и верно умеет, пирожки вкуснейшие. Муж ее, что рядом с Надеждой сидит, все больше помалкивает. Над столом на цепи лампа висит – старинная, бронзовая. А чуть в стороне – противовес чугунный, чтобы лампу поднимать или опускать при необходимости. Красивая вещь, видно, что не новодел, ну, в этой квартире, верно, много всего.

Надежда Николаевна отпила водички и незаметно погля-

дела на часы. Только полдевятого натикало, рано, ох, рано еще уходить! Еще не все тосты сказаны, горячее будет, а потом чай... Так что часа полтора как минимум мучиться...

«Угораздило же меня...» – снова вздохнула Надежда.

Все началось неделю назад, когда встречалась их институтская группа. Группа у Надежды Николаевны была интернациональная – учились в те времена в институте студенты из стран соцлагеря, тогда еще не бывшего. Были в группе три девочки-болгарки, одна – удивительная красавица, и парень и девушка из ГДР, которые поженились в процессе учебы.

Первое время доходили от немцев кое-какие сведения – двое детей, квартира в Берлине, затем у них сломали Берлинскую стену, а у нас началась перестройка, и всем стало не до бывших соучеников.

И вот прошло много лет, и Герхард с Ренатой объявились. Они решили приехать в Санкт-Петербург, чтобы вспомнить свою молодость и повидать старых друзей по институту.

Как истый немец, Герхард подошел к делу основательно. Примерно за полгода он разослал эмейлы – в деканат института, на кафедру и еще куда-то с целью найти хоть кого-то знакомого.

Ответили ему только с кафедры, и то через месяц, потому что там подвизался парень с их же курса, который по чистой случайности не забыл Герхарда, хоть прошло без малого тридцать лет. Еще через некоторое время преподава-

тель встретил своего приятеля из Надеждиной группы, Лешку Антонова, и передал ему содержание письма. Но разгильдяй Лешка потерял старую записную книжку, где были у него все телефоны одноклассников, а на память помнил только один – Ирки Корабельниковой, которая жила когда-то с ним в одном дворе. Но когда он сподобился позвонить, оказалось, что Ирки по этому телефону давно уже нету, поскольку они с мужем в разводе. Этот самый разведенный муж Игореша на Ирку был очень сердит, и телефон ее нынешний долго не хотел давать Лешке, мотивируя это тем, что у Лешки в гостях Ирка и познакомилась с ее вторым мужем. И хоть было это сто лет назад, Игореша затаил на Лешку обиду.

Пришлось идти к нему выяснять отношения за бутылкой водки. После приятно проведенного вечера Лешка вообще забыл, зачем он звонил Ирке, кстати, телефона бывший муж ему так и не дал.

Прошло еще какое-то время, и Лешке позвонила Люся Симакова. Оказалось, сын ее приятельницы учится как раз у Лешки. Оболтус нахватал двоек и до того оброс хвостами, что ему грозило исключение. Тут как раз подошел весенний призыв в армию, и всполошился даже папа оболтуса, а мама давно уже лежала в обмороке.

Общими усилиями удалось оболтуса вытащить, и, к счастью, в самый последний момент в Лешкиной голове всплыло злосчастное «мыло».

Люся Симакова была женщина общительная и организо-

ванная. Она обзвонила всех, чьи телефоны у нее были, заказала зал в приличном ресторане, так что немцев ожидала сердечная, хоть и камерная встреча.

Народу было мало, поскольку собирались в спешке и не успели скорректировать свои планы. Кто-то уехал отдыхать в Египет или Таиланд, кто-то – в командировку в Новосибирск, кто-то просто не смог прийти по уважительным семейным причинам. Надежда, конечно, пошла на встречу с радостью – хотелось всех повидать.

Посидели хорошо, выслушали подробный рассказ немцев о жизни, пересмотрели фотографии детей и внуков, рассказали о своем. У Ленки Пантюхиной родился пятый внук, Алена Забелина переехала в загородный дом, Люська Симанкова развелась, а Нина Ч. вышла замуж.

Удивились только последнему факту.

Нина была стопроцентной и законченной старой девой. Уже в молодые институтские годы всем было ясно, что замуж Нинка не выйдет никогда. Никакому самому завалыщему парню не придет в голову обратить на нее внимание. Все институтские годы Нина ходила в каких-то старушечьих свободных кофтах, волосы заплетала едва ли не в косички, обувь ее летом напоминала галоши, а зимой – валенки.

Но дело было даже не в жуткой бесформенной юбке в красно-коричневую клетку и не в полном отсутствии косметики. Нинкины простодушие и наивность некоторым казались беспросветной глупостью. В общем, Нина Ч. была де-

вушкой со странностями, хотя на учебе это не отражалось, училась Нина всегда хорошо. Злые языки называли ее зубрилкой и утверждали, что хорошие отметки Нинка зарабатывает не головой, а пятой точкой, которая, надо сказать, была у нее явно больше нормы.

Надежда с Ниной не дружила, но никогда не подсмеивалась над ней, хотя не раз задавалась бесполезным вопросом: как можно, находясь в здравом уме, надеть эту жуткую клетчатую юбку?

Однако курсе на третьем им выпало вместе делать курсовик, и Надежда убедилась, что Нина далеко не дура, в смысле учебы, конечно, и никакой зубрежкой там и не пахнет, сообщает она в учебе. Нина была со всеми неизменно вежлива, но в подруги и друзья не навязывалась, ее тоже не трогали. Фамилия ее была Чересполосова, и тот же острый на язык Лешка Антонов окрестил ее Ниной Ч., потому что фамилия была такой длинной, что даже не умещалась в чертежный штамп.

Это прозвище прилипло к Нине на все пять с половиной лет учебы, даже преподаватели иногда так говорили.

После окончания учебы Нина пропала из виду, да никто особенно ею и не интересовался, даже неугомонная Люська Симакова не знала, что Нина поддельвает. На встречи соучеников Нина никогда не ходила, а теперь вот появилась.

Исчезли балахонистые кофты и туфли, напоминающие галоши, не было немислимых воротничков с рюшами и зна-

менитой юбки в коричневую клетку. Теперь на Нине было скромное рябенское платье, недорогое, но относительно приличное, сапоги хоть и на низком каблуке, но не казавшиеся кирзачами.

В остальном Нина не изменилась, Надежда видела те же жидковатые волосы, теперь коротко подстриженные, также полное отсутствие косметики. Хотя нет, Нина накрасила губы помадой, которая, надо сказать, совершенно ей не шла.

Нина по-прежнему держалась скромно, однако норвила ненавязчиво продемонстрировать всем обручальное кольцо.

– Давно ты замужем? – улыбаясь, спросила Надежда, несмотря ни на что, приятно было видеть эту новую Нину.

– Уже два месяца, – призналась Нина и тут же добавила с обычной своей непосредственностью: – Это такое счастье...

– Рада за тебя, – сказала Надежда и погладила Нину по плечу.

– Еще столько всего нужно сделать... – щебетала Нина, – быт совсем не налажен! Ремонт в квартире не делали лет сорок, представляешь? Мебель купить...

– Это приятные заботы, – улыбнулась Надежда. – А кто твой муж?

– Он... он работает в очень крупной фармацевтической фирме! – тут же без запинки ответила Нина. – Он там начальник исследовательского отдела, представляешь? Ну, новые лекарства разрабатывает.

– Важное дело, – согласилась Надежда.

Когда все собрались уходить, Люся Симакова предложила подвезти их с Ниной до метро.

– Что это ты на машине? – удивилась Надежда. – Не выпить в ресторане...

– Привыкла уже! – Люська рассмеялась. – Без колес как будто раздетой себя чувствую! По работе много ездить приходится.

Надежда разговор о работе не поддержала – ей-то сказать было нечего. Как сократили ее из научно-исследовательского института два года назад, так с тех пор она и считается домохозяйкой (ох, как ненавидела Надежда это слово!). И хоть жила она эти два года неплохо – за мужем, как за каменной стеной, и к домашнему хозяйству относилась без фанатизма, и привыкла уже к тишине и неторопливости, все же иногда хотелось Надежде своей собственной интересной и достойной работы. Но кто же даст такую женщине старше пятидесяти лет? Эту цифру Надежда решалась произнести только мысленно, и то только в обществе таких же, как она, подруг по несчастью. Хотя вот с Люсей-то как раз в смысле работы все обстояло иначе.

– Ой, девочки, как со своим развелась, так думала, что повешусь! – рассказывала Люська, не отрывая глаз от дороги. – Сами посудите: всегда замужем была, сыновей двоих вырастила, с внуком посидеть успела! И тут муженек мне такую подлянку преподнес – завел другую, да прямо на работе! Я, как полная дура, ничего не замечаю, еще жалею его,

что приходит поздно, а он оказывается... В общем, история самая банальная...

– Да уж, – поддакнула Надежда, а Нина промолчала.

– Короче, выгнала я его без долгих разговоров, ушел он к той бабе, а я тогда в библиотеке технической работала. Сами понимаете, какая зарплата. Ну, его приятель меня и устроил в одну фирму, по гроб жизни ему благодарна буду!

– Вот уже пять лет кручусь как белка в колесе, – Люся притормозила у метро, – хочу с младшим сыном разъехаться. Мне хоть бы какую конуренку отдельную, а то никакой личной жизни! Пока, девочки, звоните, не забывайте!

Люся чмокнула воздух и рванула машину с места.

– Энергии у нее... – сказала восхищенная Надежда, глядя на задние огни Люсиной машины.

Нина снова промолчала.

– Тебе в какую сторону? – спросила Надежда, смутно припоминая, что Нина жила раньше в районе Черной Речки.

– Мне в центр, на канал Грибоедова, – ответила Нина.

– Ты у мужа теперь живешь? – сообразила Надежда. – Круто, в центре-то...

– Нет, мне бабушка квартиру оставила, – ответила Нина и, видя, что Надежда воззрилась на нее с изумлением, улыбнулась: – Ты что, Надя, не знала, кто у меня бабушка была?

– Понятия не имела! – брякнула Надежда и тут же опомнилась: – Извини.

– Нина Слепнева, художница известная... Меня в честь

нее назвали.

– Ну надо же...

Надежда слышала про такую художницу, только считала, что она умерла очень давно. Какие-то всплыли в голове не то «Ходоки у Ленина», не то «Утро на Днепрогэсе». Но, возможно, она путает, все эти картинки из букваря остались в далеком прошлом.

– Бабушка давно умерла, – говорила Нина, – квартира пустая стояла, потому что там картины, холсты, статуи... и еще много всего, это же была у нее еще и мастерская... Помещение огромное, светлое, просторное, но очень уж забито.

– Ничего, были бы стены, со временем разберетесь.

– Стены есть! – засмеялась Нина. – Да еще какие высокие! И окна... На храм Спаса на Крови выходят.

Нина вышла на Невском. Надежда пожелала ей счастья в семейной жизни и махнула рукой в окно.

«Надо же, – думала она, усевшись на свободное место, – кто бы мог подумать, что у Нинки такая бабушка? И как человек с художественным вкусом мог допустить, чтобы внучка ходила в этой ужасной клетчатой юбке? Однако если вспомнить „Утро на Днепрогэсе“, то никаким художественным вкусом там и не пахло».

На этой жизнеутверждающей мысли Надежда слегка задремала – сказались выпитые пара бокалов вина, – и очнулась уже, только когда объявили ее остановку.

Прошла неделя и даже больше, и как-то раздался звонок.

Звонила Нина Ч., как по старой памяти называли ее бывшие студенты. Надежда уже успела выбросить из головы встречу одногруппников и Нину узнала с трудом.

– Надя, приходи ко мне на день рождения в эту субботу! – говорила Нина. – Очень прошу, приходи! С мужем. Народу мало будет, посидим по-домашнему...

Надежда вспомнила, какой одинокой была Нина в институте, наверное, так же обстояли дела и на работе. А теперь есть муж, и у нее первый день рождения в новом статусе. И хочется, чтобы было все как у всех. А друзей-то нету...

– Ну, хорошо, – против воли выговорила Надежда, не чуждо ей было чувство жалости.

– Записывай, как к нам попасть! – оживилась Нина. – Если идти от метро...

– Люська же все время на машине, – посмеиваясь, перебила Надежда, – без колес, говорит, как босиком...

– Люся? – переспросила Нина, и голос ее прозвучал как-то напряженно. – Нет, я Люсю не приглашаю. Понимаешь, она же в разводе... и сама говорила, что на свободной охоте... Нам, семейным женщинам, лучше от нее держаться по-дальше.

Точно, Люська что-то такое болтала. Надежда сразу поняла, что Люська просто треплется, по довольному и уверенному виду подруги она мигом вычислила, что кто-то у Люси есть. А замуж она и не собирается – хватит уже, обожглась. Тут Надежда вспомнила, что Нинка и раньше не понимала

шуток.

И самое время было извиниться и твердо сказать, что раз Люси не будет, то она тоже не сможет прийти. И, не слушая возражений, поскорее повесить трубку.

Тем более что идти ужасно не хотелось. Но, как всегда, подвело воспитание. Надежде стало неудобно, и она согласилась прийти.

В ближайшую субботу она купила в подарок очень миленький шелковый шарфик, прихватила в ларьке три красные розы и отправилась к Нине одна, поскольку вытащить мужа в незнакомую сомнительную компанию нечего было и думать.

И вот теперь она мается в этой квартире среди незнакомых людей и в который раз задает себе вопрос, какого черта она здесь делает.

Дом она нашла быстро – старый, но крепкий и очень большой, он стоял в окружении стада дорогих машин. Дом был шестиэтажный, и лифт сделан снаружи, как бывает в старых домах. Лифт довез Надежду только до четвертого этажа, на пятый она поднялась пешком. Дальше лестница заканчивалась, на шестой этаж ходу не было, и в чем дело, Надежда поняла, только оказавшись в квартире.

Квартира была огромной. Полутемная прихожая плавно переходила в длинный коридор, оттуда наверх шла лестница, то есть квартира была двухэтажной.

– Там мастерская была бабушкина, – пояснила Нина, –

там окна в потолке сделаны.

Нина была неестественно оживлена и одета сегодня в цветастую шелковую блузку и длинную юбку. Волосы она, надо думать, уложила самостоятельно, и теперь они смешно завивались несимметричными подростковыми вихрами. Однако глаза Нины блестели, губы, накрашенные все той же отвратительной помадой, приветливо улыбались, и в целом, как с удивлением поняла Надежда, Нина производила приятное впечатление.

– А вот это мой Гера... – радостным голосом сказала Нина, вводя Надежду в просторную комнату. – Познакомься, дорогой, это Надя, моя подруга.

Надежда скроила самую приветливую улыбку, на какую была способна. Двое мужчин стояли у окна, о чем-то тихонько переговариваясь. Один суетливо обернулся и даже сделал шаг в сторону Надежды. Второй оборачиваться не спешил.

– Герочка... – протянула Нина, на миг в глазах ее мелькнуло растерянное и немного испуганное выражение, или же Надежде просто показалось.

Мужчина повернулся и стоял, рассматривая Надежду, причем она готова была поклясться, что ему совершенно неинтересна, а смотрит он просто так, потому что Нинка его тербит. Надежда тоже окинула его изучающим взглядом.

Так... Невысокого роста, худенький такой, с виду хлипкий. Ну, странно было бы ожидать от Нинкиного мужа, чтобы он был двухметровым красавцем. Нина – невеста неза-

видная, что уж скрывать. Хотя... наличие двухуровневой квартиры в центре, несомненно, акции ее повышает. Так неужели в этом все дело?

И тут Нинин муж бросил на нее быстрый взгляд. Надежда даже поежилась слегка – было такое чувство, что этим взглядом ее просветили насквозь. Просветили и прочитали мысли. Она устыдилась – какое ей дело, зачем этот тип женился на Нине? В конце концов, она выглядит счастливой. А за квартиру пускай родственники переживают, она, Надежда, в общем-то, Нинке никто.

– Здравствуйте! – сказала Надежда, потому что молчание как-то слишком затянулось. – Рада познакомиться...

Она хотела добавить, что слышала от Нины о муже много хорошего, но вовремя опомнилась.

– Я тоже, – произнес он, слегка улыбаясь и притушив свой пронзительный взгляд.

Теперь вблизи Надежда увидела, что он вовсе не такой хлипкий. Веяло от него какой-то внутренней силой. И этот взгляд, и поворот головы... Нет, Нинин муж не так прост.

Тут подлетел к ним тот, второй.

– Ниночка, да познакомьте же меня с вашей подругой! – преувеличенно громко заговорил он. – Наденька? Очень рад, очень рад! Просто даже счастлив! Я Константин! Можно просто Костя! – Он схватил ее руку и долго ее тряс.

Наденькой Надежду не называл никто, даже мама в далеком детстве. Надежда свое уменьшительное имя терпеть не

могла, оно напоминало ей героинь Чехова и Тургенева. Так и видится бледное личико, опущенные глазки, робкий завиток на вспыхивающей изредка болезненным румянцем щеке. Наденьки, Лизаньки, Сонечки... Кошмар какой!

Надежда попыталась вытащить свою руку, но не тут-то было, ее держали крепко.

– Костя. Костя Чайкин! – говорил этот тип. – Не Райкин, а Чайкин, прошу не путать! – Он рассмеялся мелким дребезжащим смехом.

Надежда наконец высвободила свою руку, и ее представили двум другим гостям – приятельнице Ларисе и ее молчаливому мужу.

– За стол, за стол! – кричала Нина. – Тебя, Надя, ждали!

Надежда проявила ловкость и смекалку, в результате чего ей удалось сесть подальше от настырного Константина. С одной стороны ее соседом был муж Ларисы, с другой – вообще никого, стол был явно велик для такого количества гостей.

Все, что стояло на столе, было несъедобно. Спиртное Надежда не слишком любила, к тому же с молодых, опять-таки студенческих лет твердо взяла за правило не пить много в незнакомом доме, особенно если пришла туда одна. Муж Нины изредка бросал на нее быстрые взгляды, и Надежда была начеку, чтобы успеть вовремя отвести глаза. Она складывала губы сердечком, улыбалась и часто моргала, чтобы казаться глупее, чем есть, – так, на всякий случай.

Через некоторое время она заскучала и стала все чаще

спрашивать себя, что она тут делает.

Душой компании был Константин, то есть он очень старался ею быть. Другое дело, что у него это плохо получалось. Шутки его были плосковатые и не смешные, он говорил слишком громко для такой маленькой компании, к тому же, по наблюдению Надежды, слишком часто подливал себе коньяку. Нос его становился все краснее, глаза блестели все ярче, однако язык пока не заплетался.

Нина объявила горячее. Сосед Надежды тяжело вздохнул и вышел покурить.

На горячее предлагалась утка, которую Нина принесла красиво сервированную на блюде явно из бабушкиного старинного, дореволюционного еще, сервиза.

– Это тоже вы? – тихонько спросила Надежда, придвинувшись к Ларисе.

– Да нет, – та улыбнулась, – это она в ресторане заказала. Тут рядом, «Джузеппе Строчи» называется. Говорила я ей, чтобы все блюда там взяла – и салаты, и закуски, так нет, хочу, говорит, сама приготовить! Со вчерашнего дня мне каждые полчаса звонила – как то сделать, да как это? Я уж на языке мозоль натерла, а все равно толку нету!

– Да уж, – не могла не согласиться Надежда, – то-то ваш муж мрачный такой. Привык к хорошей еде, ему это все как нож острый!

– Не говорите! – вздохнула Лариса. – Я готовить очень люблю. А когда продукты зря переводят – терпеть не могу! И

деликатесов никаких не надо, я из простой тыквы такой суп делаю – пальчики оближешь! Без ложной скромности скажу!

– Верю... – Надежда Николаевна погрустнела, вспомнив, что в прошлом году тыквы у нее на даче совсем не уродились. Все в листья ушло, ни одной тыквы не завязалось. Правда, и лето было плохое, одни дожди, чего уж ждать...

– Это от того, что семена плохие, – авторитетно заметила Лариса, когда Надежда поделилась своей бедой. – А вот смотрите!

На мобильном телефоне в виде заставки был изображен кудрявый светловолосый мальчишка, сидящий верхом на оранжевой тыкве размером с хорошую табуретку. Надежда едва сдержала восторженный вопль. Видя такое восхищение, Лариса предложила поделиться своими семенами, у нее их много, девать некуда. Дамы условились созвониться в самые ближайшие дни.

– Девочки, дорогие, что-то вы много секретничаете, отделяетесь от коллектива! – заорал Константин так внезапно, что Надежда вздрогнула. – А давайте-ка выпьем под горячее!

– Свежая мысль, – пробормотала Надежда.

Утка оказалась жестковата, но все же есть было можно, правда, у Надежды от злости вообще пропал аппетит. Злиться в данном случае можно было только на собственную глупость и уступчивость, но дела это не меняло.

Костя все набирал обороты, предложил тост за прекрасных дам, который мужчины пьют непременно стоя, по-гу-

сарски, порывался даже разбить бокал о стену. Бокалы были хрустальные, старинные, очевидно, тоже бабушкино наследство, еле-еле удалось незаметно убрать бокал подальше от Кости.

«Ну что я тут делаю?» – в тоске подумала Надежда.

– Много мы с Герой пережили, есть что вспомнить, – говорил Константин, держа в руке обычную рюмку. – Мы ведь с ним друзья были – неразлейвода, с самой юности! Я хочу выпить за дружбу! За настоящую мужскую дружбу!

– За дружбу! – закричала Нина в восторге, так что Надежда к ней пригляделась – тоже, что ли, выпила лишку? Это уж последнее дело, когда хозяйка раньше гостей напилась...

– А помнишь, Гера, про мину? – Константин выпил и заулыбался, как будто вспомнил что-то очень приятное.

– Да ладно тебе, сколько можно об этом вспоминать! – Георгий недовольно поморщился.

– Вот в этом он весь! – Константин обвел присутствующих гордым взглядом, как счастливая мать, призывающая всех полюбоваться на своего подающего надежды ребенка. – Скромный герой! Не любит, понимаете ли, хвастаться.

– Расскажите, Костя, расскажите! – оживилась Нина. – Мне очень интересно!

– Что, он и тебе ничего об этом не рассказывал? – Константин изобразил удивление. – Ну, Гоша! Ну, скромняга! Я и сам хвастаться не люблю, но чтобы до такой степени!..

– Да ладно тебе, – повторил Георгий.

– Нет, мы тоже хотим послушать! – поддержала Нину Лариса. – Константин, пожалуйста! Мы вас очень просим!

Нина вскочила и с помощью противовеса опустила бронзовую лампу пониже, так что свет теперь падал на лица гостей.

– Ну, так вот... – Константин улыбнулся, как Чеширский кот, которого почесали за ухом. – Мы с Жорой после пятого курса проходили практику на корабле...

– На коробке, – хмуро поправил его Георгий.

– Ну да, извиняюсь, на коробке. – Константин обвел присутствующих многозначительным взглядом. – Моряки, они такие, они корабли исключительно коробками называют. Небольшая такая коробка, хотя и военная – малый корабль радиоразведки. У нас и вооружения-то почти не было, одни антенны... Ну, я, кажется, что-то лишнее говорю, мы вообще-то давали подписку о неразглашении, – Константин смешно прикрыл рот ладонью. – Но суть не в этом. Значит, плывем мы по Черному морю, несем, как говорится, службу, прослушиваем эфир на предмет возможного радиоперехвата, и вдруг вахтенный матрос докладывает на мостик – справа по курсу неизвестный предмет!

Константин сделал паузу и оглядел присутствующих, чтобы убедиться, что все его внимательно слушают, и продолжил:

– А мы с Герой тоже тогда на вахте стояли, помощниками вахтенного офицера, в порядке обучения в условиях, при-

ближенных к боевым. Смотрим – а справа от нашего корабля в море какая-то большая дура, извиняюсь за выражение, болтается... Круглая железная штуковина, утыканная рожками, наподобие морского ежа. – Константин изобразил руками что-то круглое и рогатое и продолжил свой рассказ: –

А вахтенный офицер у нас в возрасте был, хотя и в небольшом чине – как сейчас помню, капитан-лейтенант Серый, Антон Иванович. Так вот он, как эту дуру железную увидел, прямо позеленел, несмотря на свою фамилию, фуражку снял и платком пот с лысины вытирает. Это же, говорит, мина!

Я от испуга про устав забыл, спрашиваю, как на гражданке: Как мина? Какая мина?

А Антон Иванович – ему тоже не до устава, он с чертовой железяки глаз не сводит и говорит вполголоса: Морская плавающая корабельная мина «МКК-1» с контактным взрывателем, видно, еще в войны осталась! Может, говорит, держалась в придонном слое, а теперь по неизвестной причине всплыла.

– И что – до сих пор может рвануть?

– Запросто! Были уже аналогичные случаи... скажем, в восемьдесят седьмом году, с ракетным катером «Торопливый».

– А что случилось с этим катером?

– Лучше не спрашивай!

Тут капитан-лейтенант опомнился и скомандовал в машинное отделение:

– Самый малый назад!

Коробка наша сбавила ход, но еще по инерции немножко вперед прошла, и с этой самой миной соприкоснулась. Мы-то с Гошей не очень понимаем, что происходит, но и то перепугались, а Серый – тот прямо глаза выпучил и рот открыл. Стоит, губами шевелит. Я прислушался – а он тихонько так, про себя – то «Господи, пронеси», то матом... причем он был интеллигентный офицер, сдержанный, раньше я от него дурного слова не слышал, а тут исключительно художественно матерится, прямо как старшина второй статьи.

Прошла так секунда, другая – вроде взрыва нет. Коробка наша медленно пошла назад, но эта чертова мина – за ней, видно, зацепилась за что-то своими рожками.

– Что делать? – спрашиваю я у Антона Ивановича.

– Надо бы ее как-то отцепить и оттолкнуть, да вот как...

В общем, доброволец нужен!

И тут, – Константин снова оглядел присутствующих, – и тут наш Гера вышел вперед и говорит:

– Я готов!

Капитан-лейтенант на него удивленно так посмотрел.

– Ты, – говорит, – ты, студент, понимаешь, на что идешь?

Это же, – говорит, – ужасный риск!

– Но кто-то же должен! – отвечает ему Жора, и уже форменку стаскивает! Мы и опомниться не успели, а он уже прыгнул за борт и подплыл к самой мине. Отцепил ее, оттолкнул... Коробка наша потихоньку назад сдает, а мина по-

плыла своим путем. Ну, тут вахтенные матросы шторм-трап сбросили, вытащили Геру. Он весь зеленый, трясется и все что-то сказать хочет, но зуб на зуб у него не попадает – не то чтобы от страха, а больше от холода, месяц-то был март, вода ледяная. Ну, тут Антон Иванович распорядился, чтобы из медпункта спирта принесли, Гоша выпил грамм пятьдесят и порозовел.

Капитан-лейтенант ему говорит – благодарю за службу! Ты, говорит, всех нас, может быть, спас!

А Гера немного очухался и отвечает, все еще не по уставу: – Извините, Антон Иванович, только эта мина какая-то странная! Вроде как ненастоящая!

Капитан-лейтенант отмахивается:

– Что значит – странная? Ты, студент, пока что никаких мин не видел, тебе любая странной покажется!

И приказал радисту, чтобы он передал предупреждение всем кораблям в ближайшей окружности, что в море обнаружена плавающая мина. А также связался с командованием и попросил направить в наш сектор акватории минный тральщик с целью обнаружения и уничтожения этой мины.

Тут неподалеку от нас показывается гражданский корабль. Довольно большое пассажирское судно под названием «Математик Николай Лобачевский».

Мы этому «Лобачевскому» флажным семафором передаем, что в море плавает мина и нужно соблюдать особую осторожность. А они в ответ – плавали, знаем! Сообщите, пере-

дают, где вы эту мину видели, она нам очень нужна!

Капитан-лейтенант связался с ними по радиии.

– Что, – говорит, – за легкомысленный ответ? В море действительно плавающая мина модели «МКК-1» с контактным взрывателем. Представляет большую опасность.

А ему с «Лобачевского» отвечают, что у них на борту съемочная группа, снимают приключенческое кино из морской жизни. И у них для съемок изготовлено несколько бутафорских мин, по внешнему виду похожих на эту самую «МКК-1». Одна из этих мин отцепилась и уплыла в неизвестном направлении, так что они ее теперь ищут: мина хоть и бутафорская, но дорогая, им другую делать некогда, опять же, она у них на балансе и если пропадет с концами, то с хозяйством потом не развязаться. Ну, капитан-лейтенант Серый, конечно, матом их всех покрыл, как положено, те оправдываются, а Георгию тогда объявили благодарность за проявленное мужество, с занесением в приказ по флоту.

Константин снова выдержал эффектную паузу и закончил свой волнующий рассказ:

– Вот он у нас какой, Георгий! Скромный, но героический!

– Шампанского! – закричала Нина и захлопала в ладоши. – Герочка, какой же ты смелый!

И полезла к мужу целоваться. Но остановилась, не дотянувшись, как будто наткнулась на невидимую преграду. На миг мелькнуло у нее на лице растерянное выражение, тут же

сменившееся привычной радостной улыбкой.

Надежде стало скучно.

Она тихонько выбралась из-за стола, вышла в коридор.

Коридор был длинный и полутемный, все его стены были увешаны картинами и набросками.

В основном это были портреты – сталевары с поднятыми на лоб защитными щитками, доярки в идейно выдержанных красных платочках, трактористы и комбайнеры (чем они отличаются друг от друга, Надежда не знала, потому что все ее познания о сельском хозяйстве сводились к тому, как ухаживать за клубникой и огурцами на своем дачном участке). Еще здесь были пожилые мужчины и женщины в ненатуральных народных костюмах – они казались в них ряжеными и держались очень неестественно, как будто занимали чужое место.

Правда, среди этих портретов передовиков производства и представителей малых народов нет-нет да и попадались более интересные, выразительные лица – то пожилой, явно пьющий мужчина, на лице которого были видны следы трудной, безрадостной жизни, полной невзгод и испытаний, то юная девушка с ясными, лучистыми глазами, в которых светилось ожидание радости.

Надежда немного прошла по коридору и оказалась перед деревянной лесенкой, которая вела куда-то наверх, на антресоли или на второй уровень квартиры.

Надежда всегда говорила, что любопытство – это второй из двух ее главных недостатков. Когда ее спрашивали, какой

же первый, она отвечала, что доверчивость. Правда, в глубине души Надежда считала свое любопытство несомненным достоинством, но об этом предпочитала помалкивать.

В данный момент в ней взяло верх любопытство.

Она оглянулась, поднялась наверх по лестнице и толкнула скрипучую дверь.

Комната, в которой она оказалась, была неожиданно большой, с высоким потолком и огромными окнами. Впрочем, окна эти были так давно не мыты, что через них почти не проникал свет, да и сама комната была сильно захламлена. Тут и там были свалены грудой холсты и подрамники, среди которых стояли кувшины и вазы с кистями, в одном углу почему-то стояли старинные детские санки с красиво загнутыми полозьями, в другом – гипсовая мужская голова с фиолетовым цветком, нарисованным на гипсовой щеке.

Как и в коридоре, на стенах висели картины, только картины были совсем другие – никаких комбайнеров и доярок, да и вообще очень мало портретов. Здесь были в основном натюрморты и пейзажи, часто попадались и такие, на которых вообще непонятно что изображено – просто цветные пятна и полосы, наподобие знаменитого «Черного квадрата». Многие из этих картин Надежде понравились, особенно одна – петух с ярким разноцветным хвостом и пылающим гребнем.

Один натюрморт, где ржавая селедка лежала на куске газеты, показался Надежде смутно знакомым.

– Где-то я видела что-то похожее... – проговорила Надеж-

да вслух.

– Конечно, видела, – раздался у нее за спиной голос.

Надежда вздрогнула и обернулась.

Позади нее стояла Нина.

– Конечно, видела, – повторила она. – В Русском музее и в Третьяковке... Это ведь Кузьма Сергеевич!

– Кто? – переспросила Надежда, смущенная тем, что ее застали врасплох.

– Петров-Водкин, – пояснила Нина.

– Ах, ну да... ты извини, что я здесь хозяйничаю – искала, понимаешь, туалет...

– Да ничего, – Нина улыбнулась. – Только тут беспорядок, все руки не доходят прибраться. Осталось все, как при бабушке. Она здесь работала и здесь же держала картины, которые собрала за всю жизнь, – Юрий Васнецов, Константин Рудаков, вот даже Петров-Водкин, Тышлер... Какие-то работы ей дарили сами авторы, какие-то она покупала. Бабушка говорила, что работы больших, настоящих мастеров вдохновляют ее и вместе с тем не дают зазнаться, напоминают, что она пока еще не достигла настоящего мастерства.

– Надо же, а я и не знала, что у тебя была такая знаменитая бабушка!

– Ну да, бабушка не любила, когда об этом болтали. Она всегда повторяла: «Быть знаменитым некрасиво».

– Но вообще-то твоя бабушка была очень известна... в свое время, – осторожно проговорила Надежда.

– Да, она получила все существовавшие тогда премии, – в Нинином голосе прозвучала странная интонация, как будто она не знала – гордиться былой бабушкиной славой или стесняться ее.

– Ну, многие ее работы действительно мне очень понравились. – Надежда постаралась, чтобы ее слова прозвучали дипломатично: – Не все, конечно... но вот там портрет один пожилого мужичка, и девушка в простом платье...

– А ведь ты знаешь, Надя, именно благодаря бабушке я познакомилась с Георгием! – не удержалась Нина.

– Как так? – удивилась Надежда. – Насколько я знаю, твоя бабушка уже давно умерла?

– Вот представь себе, – Нина улыбнулась, – я пошла на выставку советского портрета в Русский музей, там были выставлены несколько бабушкиных работ. И вот перед одним ее портретом – это был портрет артиста Черкасова – стоял Георгий. И у него было такое лицо, что я не удержалась и спросила: «Вам нравится»? А он повернулся и говорит: «Очень! Вообще Нина Слепнева – выдающийся и совершенно незаслуженно забытый художник!»

Нина смущенно улыбнулась и продолжила:

– Понимаешь, Надя, я не удержалась и призналась ему, что я – внучка Слепневой, и мне принадлежит большая часть ее сохранившихся работ. И тут он прямо загорелся: «Покажите мне их, покажите...» Ну вот, так все и началось! – Нина развела руками, как будто предлагая Надежде самой оце-

нить ее рассказ.

«Да уж, – подумала Надежда удивленно. – История какая-то странная, как в кино, причем не в лучшем фильме. Очень все это ненатурально, как будто заранее подстроено. С другой стороны... кому могло понадобиться так хитро знакомиться с нашей Ниной – с ее-то неказистой внешностью, с ее странностями, с ее возрастом...»

На этой мысли Надежда немного расстроилась – ведь они с Ниной ровесницы, так что у нее самой возраст такой же. Впрочем, не в возрасте дело...

А в чем же?

Неужели таинственный Георгий задумал эту комбинацию, чтобы завладеть Нининой квартирой? Опять же, картины в этой мастерской, те, которые дарили Нинкиной бабушке ее знаменитые и талантливые друзья. Наверное, они дорогие...

– А Георгий... – осторожно начала Надежда, – он не из нашего города?

– Нет, – быстро ответила Нина и тут же подозрительно взглянула на Надежду. – А что ты хочешь сказать?

– Да нет, ничего. – Надежда пошла на попятную. – Я хочу сказать, что нам нужно вернуться к гостям. Ты, как-никак, хозяйка!

– Ну да, конечно, – опомнилась Нина. – Я вообще-то хотела подавать чай.

В конце концов, думала Надежда, это вовсе не ее дело, кто такой этот Георгий. Ясно только, что не простой он брачный

аферист. Нинка при всей своей наивности все же не совсем дура, не могла она увлечься совершенно пустым человеком. В этом-то все и дело, поняла Надежда, Георгий этот – человек интересный. Есть в нем что-то... таинственное, что ли. Этот его взгляд... Все же, если дело не в квартире, зачем ему Нинка?

К чаю Нина подала покупной торт. При виде этого торта, густо усеянного жуткими кремовыми розочками, Надежда пришла в ужас. Казалось, торт благоухает лишними калориями и сочится холестерином.

«Нет, только не это! Пора уходить!» – Надежда воспользовалась тем, что все увлеклись общим разговором, схватила сумку и выскользнула в коридор. Хорошо, что запомнила место, где вешают одежду!

Сунув руки в рукава пальто, она устремилась к выходу, но в спешке свернула куда-то не туда и оказалась в незнакомой части квартиры.

То, что здесь она еще не была, Надежда определила очень быстро: вместо портретов передовиков производства по стенам были развешаны какие-то гарпуны, стрелы, украшенные ярким орнаментом предметы обихода и одежды северных народов – в памяти всплыли слова «малица» и «кухлянка». Под самым потолком висела настоящая кожаная лодка, кажется, она называется «каяк».

Надежда повернула назад, свернула в боковой коридор.

Здесь перед ней замелькали знакомые доярки и сталевары, она поняла, что находится на верном пути, и прибавила шагу.

И вдруг замерла на месте, услышав впереди раздраженные голоса.

В первый момент Надежда хотела подойти к разговаривающим людям и спросить у них, где выход из квартиры, но что-то ее остановило.

Она задержала дыхание и прислушалась.

– Я тебе что велел? – доносился из-за угла мужской голос, в котором холодная злость была в равных долях смешана с презрением. – Я тебе велел поддерживать общий разговор, поддакивать и шутить, а не болтать лишнее! Теткам комплименты говорить, по ручке гладить, а ты вместо этого коньяку нажрался и болтать начал! Кто тебя тянул за язык?

– Да ладно тебе, – возражал второй. – Подумаешь, что я сказал-то? Никто и внимания не обратил!

– Это ты так думаешь! – прошипел первый. – Это еще неизвестно – обратил или не обратил! Я тебя предупреждал – не пей лишнего, держи себя в руках!

– Да что я выпил-то? – оправдывался второй. – Я свою норму знаю, я никогда...

Надежда не выдержала, любопытство пересилило осторожность, и она тихонько выглянула из-за угла.

Там, за углом, находилось то, что Надежда безуспешно разыскивала, – входная дверь, и рядом с ней, под полкой, с

которой скалилась жуткая маска северного шамана, стояли двое мужчин: таинственный Нинин муж Георгий и его старинный друг Константин. Георгий держал своего «друга» за воротник и тряс его так, как будто хотел вытрясти последние остатки рассудка.

Видимо, он почувствовал на себе взгляд Надежды, потому что настороженно оглянулся. К счастью, женщина успела втянуть голову за угол, как черепаха в панцирь. Георгий не заметил ее, но все же что-то заподозрил и проговорил вполголоса:

– Ладно, пойдем обратно, пока нас не хватились, но смотри у меня – не трепись!

– А ты не ори на меня! – внезапно остервенился Константин. – Тоже еще выдумал мне рот затыкать! Знаю, что нужно говорить и когда!

– Ага, конечно! – прошипел Георгий. – Умник ты наш!

– Да я в таких домах бывал! – повысил голос Костя. – Тебе и не снилось! Да я у самого Мясникова работал!

– Тише! – Георгий дернул его за руку. – Не шуми!

– То-то же, – проворчал Константин.

К счастью, мужчины пошли в другую сторону и не столкнулись с Надеждой. Едва эхо их шагов затихло в коридоре, женщина облегченно вздохнула и выскользнула из квартиры.

– Здравствуй, Надя, – сказал муж, открывая ей дверь с котом на руках. – Хорошо провела вечер?

Она поглядела мужу в глаза – издевается, что ли? Да нет, вроде не шутит.

Кот Бейсик неожиданно забеспокоился и прыгнул с рук любимого хозяина на пол. Надежда наклонилась, расстегивая сапоги, чтобы не нахамить мужу в ответ. Она бросила сумку прямо на пол, чертыхнулась, не найдя тапочек на привычном месте, споткнулась о порог и едва не прищемила палец дверью ванной. Кот крадущими шагами подошел к Надеждиному сапогу и осторожно потрогал его лапой. Потом понюхал подошву, распушив усы. Никто из хозяев не обратил внимания на его действия, тогда кот спихнул сапог на пол, а сам стал усиленно нюхать коврик в том месте и даже царапать его когтями.

– Надя, что с тобой? – спросил муж. – Если бы ты не пришла из гостей, я бы подумал, что ты голодная. Только тогда у тебя бывает такой сердитый вид.

Надежда прислушалась к себе и поняла, что дико хочет есть. И то верно, перед уходом есть не стала – кто же перед гостями наедается? А там ничего не съела, кроме двух пирожков. Знала бы – полную тарелку их набрала бы!

– Ох, Саша, – она рассмеялась, – ты не поверишь, и правда есть хочу – умираю!

За чаем она, посмеиваясь, рассказала мужу про свой незадавшийся поход в гости. Не стала только сообщать свои умозаключения по поводу Нининого мужа. Откровенно говоря, не было у нее на этот счет пока твердого мнения. Зато На-

дежда долго и со вкусом описывала квартиру бабушки.

– Нина Слепнева? – заинтересовался муж. – Надо же, а я думал, она умерла гораздо раньше. Как-то вспоминаются эти советские портреты пятидесятых годов... всякие передовики производства и деятели правительства.

Надежда в который раз подумала, какой у нее умный и образованный муж, она-то ни про какие портреты вообще не помнила. Пока она мыла посуду после позднего чаепития и убирала следы кошачьего хулиганства – порванную в клочья газету и рассыпанные по полу костяшки домино, – муж сидел за компьютером.

– Надя, иди сюда! – позвал он.

На экране была статья из «Википедии» о советской художнице Нине Слепневой. Статья была длинная, как и ее жизнь.

Надежде вовсе не хотелось увязать сейчас в биографии Слепневой, она сегодня и так про нее наслушалась достаточно. Ей хотелось лечь спать, а утром выбросить из головы и захламленную квартиру, где с потолка свисает паутина, а в окна ничего нельзя увидеть из-за пыли, и странного Нинкиного мужа, и саму Нинку с ее хроническим неумением готовить и патологической ревностью ко всем незамужним женщинам.

Однако пришлось внимательно просмотреть статью, чтобы муж не обиделся.

Нина Слепнева родилась в одна тысяча девятьсот первом году в семье зажиточного купца. Мать ее умерла при родах,

к семнадцатому году отца уже не было в живых, Нина жила в семье двоюродного дяди, который, кстати, сироту за эти годы успел обобрать. И сослужил этим девушке хорошую службу, потому что в восемнадцатом году, когда дядю арестовали, Нину не тронули.

Нина с детства хорошо рисовала и всегда мечтала учиться. Но до революции об этом нечего было и думать – женщин в Академию художеств не принимали, да и опекун ее был против. В статье приводились строки из автобиографии Слепневой:

«Только после революции открылась передо мной дорога в искусство, – писала она, – как тысячи и тысячи юношей и девушек, я смогла учиться любимому делу! Неизмеримую благодарность испытываю я к своей Великой Родине за то, что она дала мне все!»

– Однако... – Надежда фыркнула и щелкнула мышкой.

– Ты забываешь, что писала она это где-нибудь году в пятидесятом... – сказал муж, глядя через ее плечо.

– Ну да, ну да... что там дальше...

В то время Академия художеств была закрыта, ее место заняли Высшие художественно-технические мастерские, знаменитый ВХУТЕМАС. Туда перешли все ведущие преподаватели академии, а также лучшие художники молодой республики. Нина окончила этот институт и добилась разрешения продолжать учебу за границей. И провела четыре года в Париже, учась у самого Матисса.

– Ну надо же! – поразилась Надежда. – Так... потом вернулась, много работала... муж... скоро умер, дочку родила поздно, под сорок лет... Нинке сейчас пятьдесят один... Ну да, вполне может быть у нее такая старая бабушка. Ага... работы Слепневой в крупнейших музеях страны, писала портреты современников... на всю жизнь нагляделась я на этих сталеваров и комбайнеров... там еще ткачихи в платочках и полеводы с тяпками. Ну это же надо! Учиться у Матисса для того, чтобы писать потом похожих друг на друга трактористов и шахтеров!

– Ну... время такое было, – заметил муж, – не нам судить... Ты почитай список работ.

– Ой, как много! – удивилась Надежда. – С ума сойти! Тут до утра не управиться!

Список и правда впечатлял. Были тут мозаики для нескольких станций московского метро, огромное панно для одного из павильонов на ВДНХ, называлось оно «Узбекские хлопкоробы приветствуют товарища Сталина», а также плафон «Торжество коммунизма» для нового здания крупного научно-исследовательского института. Из работ попроще выделены были фрески для детской больницы и оформление Дворца культуры в городе Зауральске. Была в статье фотография – солидная женщина с гладкой прической в официальном темном костюме, на лацкане – орден Ленина.

– Нинка на нее нисколько не похожа, – вынесла вердикт Надежда, – ну все, спать хочу – умираю!

В прихожей Бейсик совершал непонятные действия. Он лежал на боку в обнимку с Надеждиным сапогом и с вождением драл когтями мех.

– Бейсик! – ахнула Надежда. – Что ты себе позволяешь! Это же совершенно новые сапоги!

Сан Саныч не успел защитить своего любимца, коту здорово попало тем же сапогом. Надежда была скоро на расправу, а сапоги и вправду были почти новые, она купила их со скидкой в конце января и берегла до следующей зимы. Но вот надела в гости, и теперь рыжий негодяй едва не разодрал их в клочья!

Кот зашипел, вздыбил шерсть на загривке и улепетнул на кухонный буфет.

– Здравствуй, Учитель! – Мальчик склонился перед стариком, сложил руки в почтительном жесте. Учитель был слеп, как крот, но мальчик не сомневался, что он видит своими белыми мутными глазами лучше всякого зрячего.

– Здравствуй, мальчик! – Старик повернул лицо в его сторону, сухие пергаментные губы тронула улыбка. – Сегодня ты должен сходить в деревню.

– В деревню? – переспросил мальчик. – Но, Учитель, у нас еще достаточно хлеба...

– Как?! – Седые брови старика поднялись, сложившись в иероглиф «гнев». – Ты споришь со мной, своим Учителем? Если я сказал – идти в деревню, значит, ты должен почти-

тельно поклониться и исполнить мой приказ!

– Простите, Учитель! – Мальчик снова склонился, виновато шмыгнул носом. – Я виноват, Учитель! Я немедленно бегу в деревню! – Он уже шагнул к тропинке, но тут же остановился, повернулся к Учителю и растерянно спросил: – Но что я должен там сделать? Попросить у сельчан хлеба?

– Во-первых, не спеши, – старик поднял незрячие глаза к небу, словно вглядываясь в него. – Ты должен прийти в деревню после полудня. Во-вторых, походи к старосте деревни, почтенному Ши, и скажи ему, что он отдал свой долг. Потом можешь вернуться, но тоже не спеши, я не хочу видеть тебя до заката...

– Слушаюсь, Учитель! – Мальчик еще раз склонился перед стариком, потом взглянул на него долгим взглядом – его что-то удивило в словах и поведении Учителя и он пытался понять, что именно.

Учитель был точно таким же, как всегда, – маленький худощавый старик с длинными белыми волосами, с редкой белоснежной бородкой и розовым, почти детским лицом, с незрячими белыми глазами. На его плече сидел любимый зверек – темная шелковистая шкурка в белых пятнах, длинный пушистый хвост, живые бусинки глаз.

Сколько помнил мальчик, Учитель всегда был таким же, но мальчик жил на свете недолго, и память его была короткая. Но отец мальчика говорил ему, что и сам он, и его отец, и отец его отца видели Учителя таким же старым, с такими

же белоснежными волосами, с такими же незрячими белыми глазами. Сколько помнили жители деревни, старик жил здесь, в пещере возле древней могилы, как будто он стерег эту могилу от незваных гостей. Раз в неделю жители деревни приносили старику хлеб, сам он собирал в дуплах дикий мед, выкапывал в лесу съедобные корни, воду брал из родника, бьющего из скалы над пещерой, а его зверек сам находил себе пропитание.

Старик всегда жил в этой пещере один, но год назад, когда староста деревни принес ему хлеб и хотел уже вернуться к своим односельчанам, старик остановил его.

– Почтенный Ши, – обратился он к старосте, – пришли ко мне сына Кривого Ли, этого смышленного мальчика. Я стал стар, мне трудно жить одному.

– Слушаюсь, Святой Старец! – Староста, ничуть не удивившись тому, что слепой старик знает всех жителей деревни по именам, почтительно склонился, и вернулся в деревню, и велел мальчику отправиться к отшельнику и верно служить ему.

С тех пор мальчик жил в пещере, приносил Учителю воду и дикий мед и слушал его рассказы – удивительные рассказы о древних людях, знавших тайну вечной жизни, о Прекрасной Императрице Сяо Линь. О Прекрасной Императрице, которая наложила на себя руки, когда увидела в зеркале первую морщину на своем лице и поняла, что вечная жизнь не значит вечная молодость.

– Она была прекрасна, Императрица Сяо Линь... – говорил старик печально вздыхая. – Правда, Чжуан-Цзы?

Зверек с шелковой пятнистой шкуркой и темными бусинками глаз выразительно смотрел на хозяина, как будто подтверждал его удивительные слова.

– Неужели вы своими глазами видели Прекрасную Императрицу? – удивленно спрашивал мальчик первое время. – Ведь с тех пор прошла тысяча лет!

– Что такое тысяча лет! – вздыхал старик. – Зима, весна, лето и осень так часто сменяют друг друга, не оставляя ничего, кроме сожаления... Да, я видел Прекрасную Императрицу своими глазами – и с тех пор как она умерла, мои глаза стали незрячими, потому что после ее смерти в мире нет больше ничего, на что стоило бы смотреть! Служи мне, мальчик, исполняй мою волю, и когда-нибудь придет время, когда я передам тебе величайшую из тайн!

Мальчик еще раз почтительно поклонился Учителю и пошел по тропинке, ведущей в его родную деревню.

За спиной у него раздался громкий сорочий стрекот – трак-так-так!

Мальчик знал, что это не сорока, что это прощается с ним любимый зверек Учителя.

Два дня пролетели в хозяйственной суете, а на третий день позвонила Лариса. Надежда так замоталась, что даже не сразу ее узнала. Лариса обещала дать Надежде семена замеча-

тельной тыквы и теперь хотела свое обещание выполнить.

– Конечно! – заорала обрадованная Надежда. – Говори скорее, куда приехать!

Они сговорились быстро, и после встречи Надежда Николаевна, получив солидный пакетик семян, в благодарность пригласила свою новую приятельницу в кафе. Лариса с увлечением выбрала пирожные – на такие мелочи, как лишний вес, она не обращала внимания, полнота ей даже шла. Когда уселись за столик в углу, выяснилось, что, кроме садоводства и огородничества, у дам есть только одна общая тема для беседы, это Нина и ее замужество.

– Ты Нинкиного мужа давно знаешь? – спросила Надежда, незаметно перейдя на «ты».

– Да откуда? – охотно подхватила тему Лариса. – В первый раз и видела! Нина – она скрытная очень, ничего не говорила, пока замуж не вышла.

– Это точно. – Надежда вспомнила, что, проучившись с Ниной пять с половиной лет, однокурсники, и она в том числе, так и не узнали про ее знаменитую бабушку.

– Как он тебе? – поинтересовалась Лариса.

– Ну, понимаешь... – протянула Надежда, – с первого раза человека ведь не узнаешь...

– Да ладно, – усмехнулась ее новая приятельница, – чего уж тут. Мне он не понравился, какой-то... скользкий... и не то чтобы скользкий, а... тусклый... и это не то...

– В общем, что-то с ним не то, – резюмировала Надежда, –

а что конкретно – понять невозможно.

– Верно! – энергично подтвердила Лариса. – С другой стороны, где Нинка лучше нашла бы? Сейчас мужики нашего возраста либо спились давно, либо от инфаркта померли, либо уж так прочно женаты, что те брачные узы никакой кувалдой не разбить!

– Здраво рассуждаешь, – согласилась Надежда.

– А те, кто ненадолго свободным остается, те норвят на молоденьких жениться! – продолжала Лариса. – С ними нашей Ниночке не тягаться. Но она сама все решила, ни с кем не советовалась. Может, и правда он у нее квартиру оттяпать хочет?

– Мне тоже эта мысль первой в голову пришла, – призналась Надежда, – но не все, наверное, так просто...

– Не верю я ему, врет много, – говорила Лариса. – Знаешь, мы ведь пораньше пришли, Нина просила со столом помочь, так муж мой с этим Герой поговорил немножко. Ну, спросил, чем тот занимается, какой институт кончал и все такое прочее. Тот и говорит, что родился в городе Острове.

– В Псковской области? – оживилась Надежда. – Знаю...

– Ага, а потом, когда в школе учился, они переехали, не то отец был военный и его на новое место перевели, не то мать снова замуж вышла... Мы, говорит, островитяне, свое место в жизни всегда сами находили. Такой у нас характер самостоятельный. Так вот, это все вранье, никогда он в Острове не жил, потому что жители города Острова называют

себя островни и никогда по-другому не скажут.

– Ты точно знаешь? – заинтересовалась Надежда.

– Точно! У меня тетка в Псковской области живет, я у нее в детстве часто гостила.

– А муж твой этому Геру, понятно, ничего не сказал...

– Ясное дело, ему зачем? – Лариса пожала плечами. – Знаешь, есть такие люди, они все время врут, даже если им от этого никакой пользы. Даже болезнь такая есть, забыла только, как называется.

Надежда подумала, что Нинин муж на такого человека не похож, у нее-то как раз создалось впечатление, что он себе на уме и точно знает, чего хочет.

– Давно она замуж вышла? – машинально спросила Надежда.

– Да нет, нам сказала примерно месяц назад, – ответила Лариса, – а сколько уж они до этого были знакомы, понятия не имею. Нина скрытная, ничего от нее не добиться, про себя всегда молчит, слова лишнего из нее не выманишь. Раньше мы особенно и не интересовались – ну, ясно же, что старая дева, а потом пытались расспрашивать, она нехотя так отвечает, ну мы и отстали.

Ну что ж, все сходится, подумала Надежда, Нина не хочет никого пускать в свою жизнь. Тогда неясно, для чего она приглашала гостей. Отметим бы день рождения вдвоем, в ресторан сводил бы ее муж...

Лариса взглянула на часы и заторопилась. Дамы сердечно

простились и разбежались.

Надежда поехала навестить свою тетку. Тетка была родная и единственная, возраст давал о себе знать, так что Надежда старалась ездить к ней почаще. У метро Надежда задержалась возле овощного ларька, где купила груш и два блестящих фиолетовых баклажана, а также заскочила в крошечный магазинчик с вывеской «Кино. Музыка».

– Заходи, Надюша, – Тамара Васильевна открыла дверь и отступила в сторону. – Ты тут сама...

– Я тебе «Весну на Заречной улице» привезла, – проговорила Надежда в спину тетки, – и «Неоконченную повесть», – но Тамара Васильевна уже покинула прихожую и исчезла в комнате, откуда доносились громкие фальшивые голоса.

Надежда покачала головой.

Тамара Васильевна, Надеждина тетка, родная сестра ее матери, была женщина во многих отношениях замечательная. Почти всю свою сознательную жизнь она проработала конструктором на крупном оборонном предприятии, прошла там большой путь от рядового конструктора до конструктора первой, самой высшей категории, замужем никогда не была, детей не имела и с полным правом могла называться железной женщиной. У нее было железное здоровье, железный характер и железные жизненные правила, которые Тамара Васильевна неукоснительно соблюдала.

Слабость у нее была только одна: Тамара Васильевна обо-

жала старые советские фильмы. Всех советских киноактеров, от Григория Абрикосова до Юри Ярвета, она знала как своих близких родственников, помнила их фильмографию, дни рождения и привычки, знала, кто из них держал дома собаку, а кто кошку или аквариум с рыбками, и даже внезапно разбуженная среди ночи могла перечислить в алфавитном порядке все фильмы, снятые Григорием Козинцевым или Сергеем Герасимовым.

«Не говорите мне про современное кино! – возмущалась Тамара Васильевна. – Все эти „менты“, которые ничем не отличаются от преступников, за которыми гоняются! Как они говорят! Как они одеваются! Да они вечно пьяные на работу приходят! Иногда мне кажется, что от них прямо с экрана несет перегаром! Нет, положительный герой должен быть прекрасен во всех отношениях! Это должен быть блондин с голубыми глазами и безупречными манерами! Возьмите, например, Павла Кадочникова... когда он появляется на экране, вы сразу понимаете, что перед вами – настоящий человек!»

Замечательный актер Кадочников вообще был ее большой любовью, на самом видном месте в комнате Тамары Васильевны висел его портрет из фильма «Подвиг разведчика».

Надежда тетку любила, никогда с ней не спорила и, чтобы доставить радость пожилому человеку, разыскивала и привозила ей диски и кассеты со старыми советскими фильмами.

Раздевшись и всунув ноги в гостевые тапочки, Надежда прошла в комнату. Тетка сидела в кресле перед включенным телевизором.

– Извини, Надюша, – проговорила она, не поворачиваясь. – Я тебя не встречаю, тут в кои-то веки хороший фильм по телевизору показывают, «Сердце на ладони»... Сейчас таких уже не снимают! Сейчас везде только боевики или эта... упорнография. А тут хороший фильм, такой жизненный, и актеры замечательные... Так что ты сама себе чаю налей! Можешь и мне заодно. Ты ведь знаешь, где у меня что.

– Знаю, знаю, тетя Тома, ты не беспокойся! – Надежда достала из серванта две чашки – теткину, с большим красным петухом, которую подарили Тамаре Васильевне сослуживцы в день выхода на пенсию, и свою любимую, с рыжим котом, удивительно похожим на Надеждиного кота Бейсика.

Там же, в серванте, нашлась вазочка с конфетами.

Только сервировав чай, Надежда повернулась к тетке и при этом случайно взглянула на экран телевизора.

На экране было купе поезда дальнего следования. В кадре молодой парень с нахально оттопыренными розовыми ушами развлекал попутчиков историями из своей жизни. Лицо этого парня показалось Надежде удивительно знакомым, но по-настоящему насторожилась она, когда лопухий болтун перешел к очередной байке.

– А то еще был у нас один случай... – проговорил лопухий, оглядев попутчиков. – Проходил я после пятого курса

практику на корабле... то есть, извиняюсь, на коробке. Моряки, они ведь корабли исключительно коробками называют. Небольшая такая коробка, хотя и военная – малый корабль радиоразведки. У нас и вооружения-то почти никакого не было, одни антенны... Вообще-то, извиняюсь, это я лишнее говорю, я ведь подписку о неразглашении давал...

Тут камера показала лицо молодой попутчицы. Девушка смотрела на рассказчика нежным взглядом и слушала внимательно, слегка приоткрыв рот.

«Что это такое? – недоуменно подумала Надежда. – Я же это только что слышала... Да нет, этого просто не может быть! Французы называют такое „дежавю“. Я что – схожу с ума? Нет, ерунда! Наверное, просто случайно совпали детали...»

А лопухий балагур подмигнул девушке и продолжал:

– Значит, плывем мы по Черному морю, несем, как говорится, службу, прослушиваем эфир на предмет возможного радиоперехвата, и вдруг вахтенный матрос докладывает на мостик – справа по курсу неизвестный предмет! А я тогда на вахте стоял, помощником вахтенного офицера, в порядке, как говорится, обучения в условиях, максимально приближенных к боевым...

«Да как же так? – растерялась Надежда. – Слово в слово то, что рассказывал приятель Нининого мужа, Константин! Даже в тех же самых выражениях... Да и лицо... это же его лицо! Точно, только здесь он лет на двадцать пять моложе!»

Лопоухий продолжал:

– Смотрю это я, а справа от нашего корабля в море какая-то большая дура, извиняюсь за выражение, болтается... Круглая железная штуковина, утыканная рожками, наподобие морского ежа. Знаете, какие они колючие! А вахтенный офицер у нас в возрасте был, хотя и в небольшом чине – как сейчас помню, капитан-лейтенант Серый, Антон Иванович. Так вот он, как эту дуру железную в море увидел, прямо позеленел, несмотря на свою фамилию, фуражку снял и платком пот с лысины вытирает. Это же, говорит, мина!

«Точно, слово в слово! Даже фамилия вахтенного офицера та же самая!» – подумала Надежда, но на этот раз факт не показался ей таким поразительным. Бывают же мужчины, которые всю жизнь рассказывают одну и ту же байку. В конце концов, может, с ним и правда что-то подобное случилось, и с тех пор он рассказывает всем встречным эту историю. Тогда неудивительно, что Георгий так на него разозлился – он-то, может, уже в тысячный раз ее выслушивает! Хотя нет, эту байку наверняка придумал сценарист...

– Тетя Тамара, – проговорила Надежда заинтересованно, – что это за фильм?

– Я же тебе говорила, – отмахнулась тетка, – советский фильм «Сердце на ладони»... название такое хорошее, трогательное... А что – тебя тоже зацепило? Я же не сомневалась – настоящее искусство всегда найдет путь к сердцам зрителей!

– Тетя Тома! – снова окликнула Надежда тетку. – А этот артист, ну, тот, который сейчас в кадре – он кто?

– То есть что значит – кто? Бывший студент, а сейчас едет на Дальний Восток строить электростанцию... Но он вообще-то не главный, второстепенный персонаж... – бросила тетка, не отрываясь от экрана.

– Нет, это он по фильму бывший студент, а я спрашиваю, что это за артист?! Или ты не знаешь?

– Почему не знаю? – обиделась Тамара Васильевна. – Я в этом фильме всех артистов знаю! Всех до одного! Конкретно этого студента играл Владимир Рукавицын. Хороший артист, но в основном исполнял роли второго плана.

– Владимир? – переспросила Надежда. – Ты ничего не путаешь, тетя Тамара? Не Константин?

– Да с чего бы мне путать! – Тамара Васильевна обиделась пуще прежнего. – У меня, Надя, склероза пока что нет! А тем более альцгеймера! Я, если хочешь знать, до сих пор всю таблицу Брадиса наизусть помню!

– При чем здесь таблица Брадиса?

– При том, что память у меня хорошая! Хочешь – проверь!

– Да зачем мне вас проверять?

– Не веришь, да?

– Да верю я, верю! – отмахнулась Надежда.

– Нет, ты проверь! – настаивала Тамара Васильевна. – Вот, например, синус двадцати девяти градусов – сорок восемь

сотых, это если с точностью до второго знака...

– Да не волнуйся, тетя Томочка, лучше вон чаю выпей!

Тут как раз по телевизору пошли кадры рекламы.

Тамара Васильевна развернула конфету, поднесла к губам чашку с петухом, но на лице ее все еще было обиженное выражение.

После третьей чашки фильм кончился, и по экрану поползли финальные титры.

– Ну, вот видишь? – Тамара Васильевна показала на экран. – В роли студента Новосильцева – Владимир Рукавицын! А ты мне не верила!

– Да верила я, верила! – с досадой ответила Надежда.

Тетка покосилась на племянницу и поджала губы.

Возвращаясь от тетки, Надежда думала о том, что сегодня узнала.

Старый друг рассказал байку из фильма, в котором снимался больше двадцати лет назад, но самое главное – назвался чужим именем.

Тут Надежда вспомнила, что липовый Константин и фамилию свою назвал – Чайкин... Еще и пошутил, что фамилия у него морская, поэтому и на корабль попал. То есть на коробку.

Почему или, точнее, зачем он так поступил? Зачем ему понадобилось выдавать себя за другого человека?

«Меня это совершенно не касается, – строго одернула себя Надежда. – Что у меня, своих собственных дел нет? У ме-

ня, между прочим, обед не готов и кот дома голодный... И вообще Саша будет недоволен, если я снова влезу в какое-то расследование».

Муж Надежды Сан Саныч жену свою очень любил, но одну ее черту не одобрял, а именно – патологическую страсть к всевозможным расследованиям, к разгадыванию криминальных загадок. Он неоднократно говорил Надежде, что забрал ее с работы не для того, чтобы она распутывала криминальные головоломки, а для того, чтобы больше занималась собой и домом, чтобы, когда он приходит с работы, его встречала довольная жизнью, ухоженная и отдохнувшая жена и вкусный ужин.

Надежда с мужем не спорила, хотя в глубине души считала, что вкусный ужин и довольная жизнью жена – две вещи несовместные, как гений и злодейство, и что настоящая причина, по которой муж снял ее с работы, – это забота о коте Бейсике, которого Сан Саныч обожал всеми фибрами своей души.

Самой же ей очень не хотелось превращаться в домохозяйку, и самодеятельные расследования придавали ее жизни интерес и смысл, который она утратила, уйдя с работы.

За этими непростыми мыслями Надежда чуть не проехала свою остановку.

Бейсик встретил ее в дверях возмущенным мяуканьем, давая понять, что Надежда манкирует своими основными обязанностями, а именно – не заботится о коте. Он терся о

ноги хозяйки, заглядывал ей в глаза и всячески намекал, что проголодался и очень соскучился. Надежда прошла на кухню, достала пакет с сухим кошачьим кормом и насыпала в мисочку приличную порцию. Бейсик взглянул на нее с укором.

«Для того ли, – говорил этот взгляд, – для того ли я весь день ждал тебя, чтобы ты отделалась этой жалкой подачкой? Ты должна угостить меня чем-нибудь вкусеньким, а главное – должна уделить мне свое внимание! Хотя бы ласково поговорить!»

– Перебьешься! – грубо ответила коту Надежда и под его укоризненным взглядом устремилась к компьютеру.

Открыв поисковую программу, она набрала имя «Владимир Рукавицын».

Тетка не ошиблась – на экране возникло знакомое простое лицо, тот самый человек, который изображал старого друга Нининого мужа Георгия.

Надежда прочитала краткую биографию Рукавицына и перечень фильмов, в которых тот снимался.

До одна тысяча девятьсот девяносто седьмого года этих фильмов было очень много – три или четыре картины в год, в основном Рукавицын исполнял роли второго плана. Или вообще снимался в эпизодах. Но после этого фильмография обрывалась, ни одной самой маленькой роли за последние двадцать лет!

– Что же с ним случилось в девяносто седьмом году? –

пробормотала Надежда, просматривая следующие файлы.

И вскоре она нашла ответ на свой вопрос.

В архиве желтой прессы за девяносто седьмой год ей попался целый букет упоминаний Владимира Рукавицына.

Пятнадцать лет назад при весьма подозрительных обстоятельствах погибла молодая, подающая надежды актриса, дочь владельца крупной частной кинокомпании и по совместительству гражданская жена Рукавицына. По вполне прозрачным намекам Надежда поняла, что накануне трагедии сожители прилично выпили. На следующее утро Рукавицын проснулся поздно, с трудом встал, добрался до ванной комнаты, чтобы прийти в себя и стать человеком... и нашел там свою жену, плавающую в ванне крови с перерезанными венами.

Следователь принял версию самоубийства, но отец молодой женщины, который и прежде не выносил своего гражданского зятя, обвинял Рукавицына в убийстве. Действительно, в деле были странности и неувязки – например, в ванной не нашли ни ножа, ни бритвы, которыми женщина могла вскрыть себе вены.

В итоге Рукавицына все же оправдали, но влиятельный тесть сделал все, чтобы поставить жирный крест на дальнейшей актерской судьбе Владимира.

– Понятно, почему он после этого не снимался, – пробормотала Надежда. – Но чем же он с тех пор занимался?

Она продолжила поиски, ограничив их более поздним пе-

риодом, и вскоре нашла имя Владимира Рукавицына на сайте агентства, занимающегося организацией всевозможных праздников, вечеров и корпоративов.

«Мы уже пятнадцать лет занимаемся организацией праздников в Петербурге, – сообщало агентство. – За это время мы провели десятки юбилеев компаний, фестивалей и корпоративных праздников, множество свадеб, банкетов и выставок. Мы все сделаем для того, чтобы ваш праздник стал незабываемым. В нашей базе есть знаменитые артисты и талантливая молодежь, музыкальные коллективы разного состава, от солистов до больших ансамблей, поэтому наши цены устроят всех...»

Дальше следовал список актеров и ведущих, чьи услуги предлагала компания своим клиентам. Надежда узнала несколько фамилий артистов, время от времени мелькающих на экранах телевизоров. Здесь-то, ближе к концу, ей и попалось имя Владимира Рукавицына. Завершался рекламный текст следующим пассажем:

«Корпоративное мероприятие и новогодний праздник, день рождения и свадьба, сценарий праздника или настоящий фильм – только позвоните нам, и мы осуществим любые ваши фантазии. Кроме этих традиционных видов обслуживания, мы готовы предоставить вам и новую услугу, которая еще только появляется на отечественном рынке – друзья и родственники напрокат!»

– Вот это услуга! – проговорила Надежда, перечитав последнюю строку объявления.

Она хотела уже продолжить свои изыскания, но вспомнила о семейных обязанностях и отправилась на кухню, чтобы изучить вопрос обеда. В морозилке, к счастью, обнаружился приличный кусок мяса. Надежда засунула мясо в микроволновку, включила режим размораживания и, чтобы не терять понапрасну время, вернулась в свою комнату и набрала номер телефона, указанный на сайте.

– Петербургский праздник! – ответил ей приветливый женский голос. – Меня зовут Марина. Чем я могу вам помочь?

– Да вот понимаете, – начала Надежда неуверенным голосом, – я тут на вашем сайте прочитала, что вы предоставляете напрокат друзей и родственников. Так вот, я хотела бы поподробнее узнать об этой услуге. А то, согласитесь, это звучит довольно странно...

– Ничего странного, – охотно ответила собеседница Надежды. – Я согласна, что эта услуга пока не столь широко известна в нашей стране, кроме нашей компании, ее никто не предоставляет, но во многих других странах ее актуальность доказана временем. Представьте себе, что вы приехали в наш город из далекой провинции, еще никого здесь не знаете. Или вы родились и выросли здесь, но ваша жизнь сложилась так, что у вас нет ни родных, ни близких.

– Всякое бывает, – проговорила Надежда, чтобы проде-

монстрировать свою заинтересованность.

– Вот именно – всякое бывает! – подхватила девушка. – Представьте теперь, что вам нужно встретиться в семейном кругу с кем-то, на кого вы хотите произвести благоприятное впечатление. Допустим, вас пригласили с другом или с родителями – а у вас никого нет. Или ваши друзья, простите, не так выглядят и не так воспитаны, чтобы произвести нужное впечатление. И вот тут-то вам на помощь охотно придет наша компания! Мы предоставим в ваше распоряжение на один вечер или на более долгий срок опытного актера, который сыграет роль папы-академика, или актрису, которая предстанет в облике милой деревенской бабушки – запросы бывают самые разные... Мужчине мы можем предложить артиста на роль старого армейского друга...

– Или флотского, – задумчиво проговорила Надежда.

– Совершенно верно, – поддакнула девушка. – Этот артист к месту вспомнит о героическом поступке, который совершил наш клиент много лет назад.

– Вот оно что!.. – воскликнула Надежда. – Вот в чем дело! Выходит, дружок-то был нанятый!

– Простите? – переспросила девушка.

– Да нет, это я так, своим мыслям... Скажите, а можно пригласить на эту роль актера Владимира Рукавицына?

– Конечно, – оживилась девушка. – Владимир – один из наших самых востребованных специалистов! Он прекрасно играет роль старого друга. Правда, в вашем случае это будет

не армейский друг, но мы никогда не задаем лишних вопросов. Вам нужно только предварительно проинструктировать Владимира, поставить перед ним актерскую задачу – дальше он сыграет все как по нотам.

– Да уж, как по нотам! – пробормотала Надежда, вспомнив ссору между Нининым мужем и нанятым актером, которую она случайно подглядела на дне рождения.

– Извините?

– Да нет, это я так... Скажите, а как я могу связаться с Рукавицыным, чтобы поговорить с ним и убедиться, что он – именно тот человек, который мне нужен?

– Связаться? – Девушка на мгновение замялась. – Обычно мы проводим такие встречи в офисе фирмы и в присутствии нашего менеджера.

Встреча в офисе не входила в планы Надежды. Если на то пошло, она еще не решила, надо ли ей встречаться с Владимиром Рукавицыным. Ну что она может ему сказать? Поставить в вину то, что он обманывал Нининых гостей? Так он-то при чем? Его наняли, деньги заплатили, худо-бедно, но он свою работу выполнил, а что байку из фильма вставил, так, видно, других не знает, забыл все по пьяни, вон нос-то какой красный был. Закладывает за галстук Володя Рукавицын, ох, закладывает!

И это не преступление, скажет он. Да если на то пошло, он просто пошлет Надежду подальше, вот и весь разговор.

– Вы можете встретиться с Владимиром Рукавицыным у

нас в офисе, – заученным голосом сказала девушка, – завтра в двенадцать часов вас устроит?

– Да-да, – рассеянно ответила Надежда, погруженная в собственные мысли.

– Как вас записать?

– Вера... Вера Федоровна Журавлева, – ляпнула Надежда первое, что пришло в голову.

Она хотела еще что-то сказать, но в это время с кухни донесся оглушительный грохот.

– Кот! – воскликнула она в ужасе.

– Что, простите? – переспросила девушка. – Какой кот? В нашей базе имеется Кот в сапогах, Чеширский кот, кот Матроскин... еще кошка, которая гуляет сама по себе... Все они очень востребованы при проведении детских праздников...

Но на этот раз Надежда ей не ответила и даже не дослушала, она нажала кнопку отбоя и помчалась на кухню.

Здесь она застала ужасное зрелище.

Кусок мяса, который она оставила оттаивать в микроволновке, лежал на полу, над ним с урчанием склонился Бейсик и зубами рвал его. Видимо, в нем проснулись голоса хищных предков, и Бейсик вообразил себя то ли львом, закогтившим антилопу гну, то ли леопардом, пожирающим дикую серну.

– Бейсик, паршивец, что ты устроил! – воскликнула Надежда, остановившись на полпути.

Кот повернулся к ней, прижав уши, и громко зашипел. Его пылающий взгляд ясно говорил, что за свою законную добы-

чу он будет сражаться до последней капли крови. Надеждой крови, разумеется.

– И как же ты умудрился открыть микроволновку? – проговорила Надежда, взглянув на распахнутую дверцу печки.

На этот раз Бейсик даже не взглянул на нее. Он совершенно не собирался открывать ей свои маленькие секреты.

– И чем же я теперь буду кормить Сашу... – простонала Надежда, в тоске глядя на стремительно убывающее мясо.

– А это уж твои проблемы! – протранслировал ей кот выразительным затылком.

Надежда взглянула на часы и ужаснулась: до прихода мужа оставалось меньше двух часов, а обеда у нее не было, и времени, чтобы идти в магазин, не оставалось.

– Бейсик, ты меня без ножа зарезал! – воскликнула она возмущенно. Кот в ответ издевательски фыркнул: мол, сама виновата, нужно следить за продуктами!

Надежда вздохнула и приступила к ревизии морозилки.

К счастью, там нашелся пакет замороженных баклажанов и порция фарша. Немного подумав, Надежда вспомнила греческое блюдо мусака, которым их с мужем угощали в маленьком греческом ресторанчике на Петроградской стороне. Попросту это была запеканка с мясом и овощами под вкусным соусом бешамель.

Кроме баклажанов и фарша, для мусаки нужна была картошка, которая обнаружилась в кладовке. Еще в холодильнике нашелся черствый сыр для соуса бешамель, и к приходу

ду мужа Надежда извлекла из духовки жаровню с румяной греческой запеканкой.

После сытного обеда Сан Саныч разомлел и довольным голосом проговорил:

– Вот видишь, Надя, как хорошо, что ты не ходишь на работу и не занимаешься своими дурацкими расследованиями! Ты стала замечательной хозяйкой!

Надежда скромно промолчала. Бейсик громко фыркнул, словно собирался открыть глаза хозяину на поведение жены. Надежда грозно взглянула на него, и кот удалился в комнату, всем своим видом выражая крайнее неодобрение.

Сперва мальчик бежал, но потом вспомнил приказ Учителя и пошел медленно, чтобы прийти в деревню не раньше полудня. Он срывал по дороге цветы, отламывал молодые побеги бамбука и передразнивал птичьи голоса. Впрочем, скоро птицы замолкли.

Мальчик насторожился.

В лесу было непривычно тихо, так тихо, как будто лес к чему-то удивленно и испуганно прислушивался. Так тихо, как будто лес притворился мертвым.

Мальчику стало страшно, и он пошел еще медленнее.

Однако как ни старался он замедлять шаги, но все же солнце еще не поднялось до зенита, когда впереди показались кровли деревни.

Мальчик замер в изумлении.

Неужели он сбился с дороги и пришел в чужую деревню?

Нет, не может быть, вот ведь старое дерево с раздвоенным стволом, возле которого он впервые увидел Учителя!

Но тогда почему на месте высокого дома старосты Ши виднеются какие-то дымящиеся развалины? Почему не слышно голосов, не слышно детских криков и блеяния коз? Почему в небе над деревней кружат стервятники, постепенно снижаясь и сужая свои круги?

Мальчик прибавил шаг и выбежал из леса на околицу деревни.

Прямо перед ним посреди тропы лежала мертвая женщина в разорванном платье, с непристойно заголившимися ногами. Чуть дальше скулила тощая собака с разрубленной головой.

– Госпожа Чань, – испуганно пролепетал мальчик, узнав в мертвой женщине соседку своего отца. – Что с вами случилось, госпожа Чань? Что случилось с нашей деревней?

Мертвая женщина не отвечала. Мертвые никогда не отвечают на вопросы.

Мальчик всхлипнул, вытер нос и побежал вперед, чтобы найти кого-то более разговорчивого.

Деревня стала неузнаваемой.

Хижины бедняков и дома зажиточных крестьян не отличались теперь друг от друга – все они превратились в груды дымящихся, обугленных бревен и досок, все они превратились в руины. На улицах тут и там лежали мертвые люди.

Мальчик узнавал некоторых из них и здоровался с теми, кого узнавал, – отец учил его быть вежливым.

Он прошел почти всю деревню и приблизился к дому старосты – ведь Учитель послал его с поручением к господину Ши, а поручения Учителя нужно выполнять, что бы ни случилось.

Господин Ши был жив. Он лежал на пороге своего дома, зажимая рукой рану на животе, и хрипло, тяжело дышал.

– Здравствуйте, господин Ши! – проговорил мальчик, низко склонившись перед старостой.

– Здравствуй, мальчик, – прохрипел староста, пытаясь приподняться.

– Что случилось с вами, господин Ши? Что случилось с нашей деревней?

– Хунхузы, – еле слышно проговорил староста, – краснобородые северные разбойники... они убили всех, почти всех... они искали Учителя, Святого Старца... но его никто не выдал, и тогда... тогда они увели моего сына, чтобы он показал им дорогу.

Староста замолчал, по его щекам потекли слезы. Лицо его стало еще бледнее, дыхание вырывалось из груди с глухим хрипом.

– Господин Ши, – заговорил мальчик, боясь опоздать, боясь не выполнить поручение Учителя, – Святой Старец послал меня к вам, чтобы я передал его слова. Он велел сказать вам, что вы отдали свой долг.

– Он так и сказал? – Глаза старосты широко открылись, дыхание стало ровнее, даже лицо немного порозовело.

– Да, именно так он и сказал, слово в слово!

– Хорошо. Теперь я могу спокойно умереть.

Господин Ши закрыл глаза и перестал дышать. На губах его проступила улыбка.

Мальчик поднялся, обошел деревню до самого конца, нашел бедную хижину своего отца. Отец лежал на пороге с разрубленной головой. Мальчик прикрыл голову отца полкой одежды, развернулся и пошел обратно, к пещере отшельника. Когда он покинул деревню, стервятники начали один за другим снижаться.

На следующее утро, проводив мужа на работу, Надежда долго мучилась сомнениями – идти или не идти в офис фирмы «Петербургский праздник» на встречу с Владимиром Руквицыным. Здравый смысл и воспитание советовали ей не ходить и вообще выбросить всю эту историю из головы.

В самом деле, кто ее об этом просил? Ну не понравился ей Нинин муж, так не она же за ним замужем. Ну поймала его Лариса на мелком вранье, так она же, Надежда, не теща, и Нинке не восемнадцать лет, чтобы за ней присматривать!

«Никогда не лезь в чужую жизнь, не делай того, о чем тебя не просят!» – твердит народная мудрость, и Надежда Николаевна в общем-то была вполне согласна с этим постулатом, однако какой-то неприятный червячок точил и точил душу.

В конце концов, Надежда поняла, что не успокоится, пока не посмотрит в глаза этому противному типу Рукавицыну. Тоже выбрал себе работенку! Ведь целый вечер порядочных людей обманывал, лапшу на уши вешал, анекдоты бородатые рассказывал, за ней, Надеждой, приударять пытался. Ручки целовал! Надежда вспомнила прикосновение мокрых губ, и ее передернуло от отвращения.

И пускай этот актеришка только попробует послать ее по-дальше! Она припугнет его, что хозяева хватились какой-нибудь ценной вещи и собираются в полицию заявлять! А что, там, в той квартире, среди допотопного хлама вполне может быть что-то ценное. Эюд, к примеру, того же Петрова-Водкина. Разумеется, Рукавицыну он сто лет не нужен, но пусть докажет!

Убедив себя в собственной правоте, Надежда оделась скромно-официально и отправилась в агентство «Петербургский праздник» с твердым намерением поговорить с глазу на глаз с отставным актером Владимиром Рукавицыным, прижать его к стенке и узнать все, что можно, про Нининого мужа Георгия. Но как это практически осуществить, она не знала и решила положиться на счастливый случай, удачу и свою хорошо развитую интуицию.

Офис «Петербургского праздника» занимал большое помещение в новом бизнес-центре на Васильевском острове. Это помещение не было разгорожено на многочисленные ка-

бинеты и кабинетики, а вольготно размещалось в огромном двухуровневом пространстве, наподобие гигантского аквариума, разделенного стеклянными стенками и перегородками на прозрачные отсеки, так что из приемной можно было видеть и все демонстрационные комнаты, и небольшой конференц-зал, и кабинеты сотрудников.

Видимо, такая планировка должна была показать посетителям офиса, что у этой компании нет никаких тайн от своих клиентов, что их бизнес совершенно прозрачен.

Здесь же, в приемной, стоял настоящий, очень большой аквариум, словно уменьшенная модель офиса, и в этом аквариуме стремительно плавали декоративные пираньи, словно копируя поведение сотрудников компании.

И отсюда, из приемной, Надежда увидела за одной из прозрачных перегородок того самого простоватого мужичка, который на Нинином дне рождения играл роль словоохотливого Константина. Теперь-то она знала его настоящее имя.

Рукавицын пил кофе и о чем-то разговаривал с миловидной молодой женщиной.

Надежда решила проверить одно свое предположение.

Она набрала тот же номер, по которому накануне звонила в «Петербургский праздник».

Тут же собеседница Рукавицына сняла телефонную трубку, и Надежда Николаевна услышала знакомый голос:

– «Петербургский праздник», меня зовут Марина! Чем я могу вам помочь?

– Моя фамилия Журавлева, я вчера вам звонила, мы говорили о Владимире Рукавицыне и договорились о встрече, – напомнила ей Надежда. – Так вот, я немного опаздываю, приеду к вам минут через сорок... пробки, знаете ли...

– Ничего страшного, Владимир вас дождется!

Надежда услышала гудки отбоя и тут же увидела через стеклянную перегородку, как девушка встала, собрала кофейные чашки и вышла из комнаты. Рукавицын кивнул ей и развалился в кресле.

Надежда тут же снова набрала тот же самый номер.

За стеклянной перегородкой Рукавицын повертел головой, уставился на телефон и наконец снял трубку.

– «Петербургский праздник», – раздался в трубке его голос. – Только Марины сейчас нету, перезвоните попозже.

– Подождите! – перебила его Надежда. – Этот голос... я не могу ошибиться! Я столько раз его слышала! Вы ведь артист Владимир Рукавицын?

– Да, это я, – ответил мужчина с гордостью.

– Я ваша давняя поклонница! – защебетала Надежда. – Мне так нравятся все ваши фильмы, особенно «Сердце на ладони»! Я их все смотрела по несколько раз, а «Сердце на ладони» – раз двадцать! Как замечательно вы сыграли этого студента!

– Приятно слышать настоящего ценителя! – довольно замурлыкал Рукавицын. – Сейчас меня редко вспоминают, а было время, когда режиссеры буквально рвали меня на ча-

сти.

– В мире нет справедливости, – проговорила Надежда и быстро перешла к делу, пока не вернулась бдительная Марина и не прервала установившийся контакт: – Владимир, я хочу пригласить вас на свой маленький семейный праздник, только предпочла бы договориться с вами напрямую, не через «Петербургский праздник»... Они ведь наверняка забирают себе половину вашего гонорара, а я считаю, что это несправедливо.

– Даже больше! – вздохнул артист.

– Безобразие! – возмутилась Надежда. – Я же говорю – в мире нет справедливости! Так вот, раз уж мы с вами нашли друг друга, давайте встретимся с глазу на глаз и договоримся напрямую. И мне получится дешевле, и вы больше зарабатываете.

– Ну, я прямо не знаю... – протянул артист. – Если они узнают, у меня могут быть неприятности...

– Да откуда же они узнают? Я им ничего не скажу, вы, надеюсь, тоже.

– Ну, ладно, уговорили!

– Тогда выходите из офиса и идите в кафе «Чайное блюдечко», это на углу, напротив бизнес-центра, там мы с вами и поговорим.

– Хорошо, а как я вас узнаю?

– Не беспокойтесь, я сама вас узнаю, ведь я столько раз видела вас в кино! – воскликнула Надежда.

– Ах, ну да, действительно...

Надежда нажала кнопку отбоя и спряталась за аквариум: в ее планы не входило, чтобы Рукавицын узнал ее раньше времени.

Владимир Рукавицын вышел из прозрачной комнаты, воровато огляделся по сторонам, стараясь не попасться на глаза Марине, и выскользнул из офиса.

Надежда выждала еще минуту и пошла следом за ним.

Войдя в помещение кафе, она остановилась на пороге и огляделась.

Здесь было полутемно, единственным источником света были свечи в простых никелированных подсвечниках, горевшие на столах. Почти все столики были заняты, за ними сидела в основном молодежь – влюбленные парочки, компании молоденьких девушек и отдельные одинокие личности с ноутбуками. Парочки тихо млели и обнимались, пользуясь интимной полутьмой, девичьи компании щебетали, одиночки мрачно лупили по клавишам ноутбуков.

Возле Надежды возникла девушка в футболке с логотипом кафе и спросила:

– Вы курите?

– Боже упаси!

– Тогда вам направо.

– Меня уже ждут! – Надежда устремилась к столику в глубине кафе, за которым, спиной ко входу, сидел немолодой мужчина в сером свитере. Даже со спины по выразительно

оттопыренным розовым ушам Надежда узнала Владимира Рукавицына.

Подойдя к актеру со спины, Надежда Николаевна оживленным тоном проговорила:

– А вот и я! Надеюсь, я не очень долго заставила вас ждать?

Рукавицын не шелохнулся.

Надежда обошла его, опустилась на стул по другую сторону столика, положила на стол сумку и перчатки и продолжила:

– Должна признаться, Владимир, что я не такая уж горячая поклонница вашего творчества. Мне пришлось так сказать, чтобы встретиться с вами за пределами офиса, называться его. Больше того – я не собираюсь приглашать вас на свой домашний праздник. Честно говоря, у меня и праздника-то никакого не намечается...

Рукавицын по-прежнему молчал.

Надежда подумала, что это не очень-то вежливо, и подняла глаза на актера.

На их столике, как и на большинстве других, горела свеча, и ее колеблющийся свет не столько освещал лицо незадачливого актера, сколько укрывал его живой игрой светотени. Рукавицын как-то безвольно откинулся на спинку стула, уронив руки на стол. В его широко открытых глазах отражалось пламя свечи, придавая лицу актера загадочное и мечтательное выражение.

Впрочем, смотрел он не на Надежду, а словно сквозь нее или на что-то, расположенное у нее за спиной.

– Думаю, вы узнали меня, – продолжила Надежда. – Мы с вами встречались на дне рождения моей подруги Нины. Там вы назвались Константином и представились старым другом Нининого мужа Георгия. Честно говоря, именно о Георгии я хотела с вами поговорить...

Рукавицын не шелохнулся, и на лице его не дрогнул ни один мускул. Он все так же печально и загадочно смотрел сквозь Надежду, и это начало ее нервировать.

– Ну, я понимаю, что выманила вас на эту встречу обманом, но согласитесь – вы тоже поступили тогда не совсем честно! Я-то ладно, я посторонний человек, но бедная Нина приняла ваши рассказы за чистую монету.

Актер никак не реагировал на ее слова.

– Да что с вами такое! – раздраженно воскликнула Надежда и порывисто схватила Рукавицына за руку.

И тут же отдернула руку.

Рука актера была холодная и какая-то неживая. А голова его от толчка завалилась на плечо и застыла в каком-то неестественном положении.

– Что... что с вами такое? – забормотала Надежда, перегибаясь через стол и вглядываясь в лицо короля эпизода.

В глубине души она уже поняла, что с ним, но не хотела или не могла признать этот очевидный факт. Но с каждой секундой очевидность эта становилась все непреложнее: Вла-

димир Рукавицын был мертв.

Об этом говорили и его неестественно запрокинутая голова, и пустой, безжизненный взгляд (сейчас он уже не казался загадочным и мечтательным), и холодные, безвольно упавшие на стол руки.

– Надо вызвать врача... – забормотала Надежда, медленно поднимаясь из-за стола.

Но она уже понимала, что никакой врач Рукавицыну не поможет, что смерть неизлечима.

И еще... еще каким-то неизвестным науке шестым чувством Надежда поняла, что актер Рукавицын не стал жертвой внезапного инфаркта или инсульта. Она поняла, что он убит.

А в следующую секунду ее страшная догадка подтвердилась: Надежда Николаевна увидела на шее актера, чуть ниже левого уха, небольшую треугольную ранку, из которой выступила всего лишь капля темной, почти черной крови.

Ранка была совсем небольшая, но вполне достаточная для того, чтобы через нее вытекла неизвестная современной науке субстанция – жизнь немолодого и невезучего актера. Да уж, такого конца никому не пожелаешь!

И тут Надежда поступила трусливо и даже, можно сказать, скверно: не отрывая взгляда от неживых пустых глаз, она сгребла в раскрытую сумку перчатки со стола, тихонько обошла этот стол и быстрым шагом покинула кафе, к счастью, не столкнувшись по дороге ни с официантами, ни с по-

сетителями.

Она трусливо сбежала из кафе, потому что представила, как ее увезут в полицию, в лучшем случае в качестве свидетеля, а то и подозреваемой, как ее станут допрашивать... Даже если все обойдется благополучно, все станет известно мужу, и он ей такое выскажет – страшно подумать!

Никто не пытался ее остановить, никто не кричал ей вслед: «Стойте! Задержите ее!»

Надежда быстро шла по улице и пыталась привести в порядок свои расплзающиеся мысли.

Актера Рукавицына только что убили.

Убили перед тем, как он должен был с ней встретиться. Может быть, его именно потому и убили, что она хотела с ним поговорить?

«Да нет, ерунда, при чем тут я? – внушала себе Надежда. – Для этого могло быть множество других причин! Рукавицын производил впечатление неблагополучного человека, наверняка он пил, а может быть, играл. Может быть, он проиграл большие деньги, и его из-за этого убили. Такое случается сплошь да рядом. Явно подозрительный тип, эти его глазки бегающие...»

Но Надежда понимала, что это отговорки, которыми она пытается себя успокоить. Понимала, что Рукавицына убили из-за нее. Убили, чтобы помешать их разговору. Стало быть, он что-то знал и мог Надежде сообщить. Не за так, конечно, за деньги. Вот его и убили.

Но если так... если так, то убийца вполне мог находиться в кафе и видеть Надежду. И тогда... тогда он идет за ней по пятам, чтобы тоже убить.

Осознав эту мысль, Надежда почувствовала, как ее захлестывает волна черного ужаса. Захотелось бежать, не разбирая дороги, крича о помощи. Усилием воли женщина взяла себя в руки. Она сжала зубы и вроде бы случайно оглянулась. Никто не гнался за ней с ножом, никто не целился в нее из огромного пистолета.

Улица была пустынна – день, рабочее время. Вдалеке тащился работяга в заляпанном комбинезоне, с ведром краски, еще женщина с коляской. Ближе всего был грязный, заросший до глаз бомж. Ну, этот не убийца, его к кафе на пушечный выстрел не подпустят!

На углу остановилась маршрутка, выпуская женщину с ребенком. Надежда замахала руками и рванулась к маршрутке, как будто это был ее последний шанс.

Проехав несколько кварталов и восстановив дыхание, Надежда огляделась и поняла, что маршрутка – не та, что она едет в другую сторону. Приближалась станция метро, но Надежда решила, что на метро не поедет, чтобы неизвестный убийца не столкнул ее под колеса поезда.

Проехав еще немного, она вышла и села в троллейбус, который увез ее еще дальше. В результате всех поездок Надежда вернулась домой только через два часа, с головной болью, оттоптанными ногами и оторванной пуговицей.

Но нет худа без добра, она успокоилась и решила, что неизвестному убийце нет до нее дела.

Возле дома торчала соседка Антонина Сергеевна, которая выползла на улицу по причине хорошей погоды.

– Надя, – сказала она, – квитанцию по квартплате принесли. Ты возьми скорее, пока Зина не ушла, а то она вечно все путает. Мне в прошлый раз из двадцать пятой квартиры положила.

Надежда вытащила из ящика целый ворох бумажек. Ну надо же, когда только успели столько напихать! Чтобы не разговаривать с Антониной, она затолкала все в сумку и юркнула в подъехавший лифт.

Кот не встретил ее в прихожей, он спокойно спал на диване в гостиной. Надежда уселась на кухне, налила себе крепкого чая и положила в чашку два куска сахару, хотя обычно пила несладкий. Сахар нужен был для стимуляции умственной деятельности.

Во-первых, размышляла Надежда, возможно, Рукавицына убили вовсе не потому, что она захотела вывести его на чистую воду.

«Ага, как же, – тут же ехидно возразил ей внутренний голос, – как только ты приперлась в этот „Петербургский праздник“, так сразу...»

«А как убийца узнал, что это была я?» – слабо возражала Надежда.

«Ты же представилась Верой Журавлевой. – Надежда во-

очию увидела мерзкую личность, с которой ассоциировался у нее внутренний голос. – Тут большого ума не надо, чтобы догадаться, что Вера Журавлева – это Надежда Лебедева. Умнее надо быть, осмотрительнее, раз уж ввязалась в сомнительную историю».

Теперь голос говорил с интонациями ее мужа Сан Саныча, и Надежда поежилась. Очень мило, стало быть, теперь ей грозит опасность не только от неизвестного убийцы, но еще и от полиции. Ведь была же она в этом злополучном кафе!

Тут внутренний голос сжалился над ней и успокоил, что в кафе такая неразбериха, никто никого не вспомнит, а если в агентстве все звонки записываются, то пускай ищут потом Веру Журавлеву.

– Ничего не знаю! – твердо сказала Надежда появившемуся на кухне коту. – Нигде не была, ни с кем не говорила, никого не видела. Теперь буду дома сидеть и заниматься домашним хозяйством. Вот, кстати, глажки накопилось. И окна нужно помыть. Бейсинька, хочешь фаршу?

Кот поглядел с подозрением – неужели хозяйка так быстро забыла испорченные сапоги и съеденное мясо?

Но фарш вот он, в мисочке. И кот решил, что сегодня у него удачный день.

На этот раз мальчик шел медленно-медленно, и, когда он пришел к пещере отшельника, уже вечерело.

Учитель сидел на том же месте, где мальчик оставил его,

казалось, даже поза его не изменилась, но когда мальчик подошел ближе, он увидел, что горло старика перерезано, а ветхая одежда залита кровью. Жалкие пожитки отшельника были выброшены из пещеры и перерыты грубыми руками чужаков.

Мальчик сел рядом с Учителем и закрыл глаза.

Теперь он не знал, куда идти. Теперь он не знал, что делать со своей жизнью.

Вдруг где-то совсем рядом раздался громкий сорочий стрекот – трак-так-так!

Мальчик открыл глаза.

Чжуан-Цзы, любимый зверек Учителя, сидел на пеньке перед ним, живые бусинки глаз ярко сверкали, они смотрели в глаза мальчика, как будто зверек что-то хотел ему сказать.

– Трак-так-так! – повторил зверек, спрыгнул с пенька и, отбежав в сторону, обернулся, словно пригласил мальчика следовать за собой.

Мальчик встал и пошел.

Зверек обежал скалу и остановился возле огромного камня, покрытого зеленым мхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.